

10. Дф

495

НѢКОТОРЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ

О

МИТРОПОЛИТЪ

ФИЛАРЕТЪ.

М. М. ЕВРЕННОВА.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и Б*),
на Страстномъ бульварѣ.

1873.

ЕВ_1873_BAN_2AK00000097

М. М. Евр. № 98814

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, декабря 14 дня, 1872 г.

Цензоръ священникъ *Михаилъ Боголюбовскій*.

Многіе изъ почитателей покойнаго митрополита спрашивали меня: неужели вы не записывали о всѣхъ интересныхъ разговорахъ его, бывая у него такъ часто? На что я всегда отвѣчалъ: въ томъ-то и бѣда, что я этого не дѣлалъ, о чемъ и самъ очень сожалѣю, потому что слышалъ много интереснаго, и теперь чрезъ столько лѣтъ многое вышло изъ памяти. На сіе возражали мнѣ: по крайней мѣрѣ то, о чемъ можете теперь вспомнить, слѣдуетъ записать; почему и рѣшаюсь къ тому приступить (а).

Въ первый разъ я увидѣлъ Филарета въ 1814 году въ Петербургѣ въ тамошнемъ Казанскомъ соборѣ; ему было тогда 32 года отъ роду, а онъ уже былъ архимандритомъ и ректоромъ Петербургской Академіи, украшенный панagioю и орденомъ св. князя Владиміра 2-й степени со звѣздою. Награжденіе въ то время рѣдкое въ званіи архимандрита (въ послѣдствіи, когда я съ нимъ хорошо познакомился, онъ говоритъ мнѣ, что когда ему пожаловали сей орденъ, то его называли *скоростылкою*).

Въ тотъ день, какъ я его въ первый разъ увидѣлъ въ 1814 году, было въ Казанскомъ соборѣ молебствіе, по случаю полученнаго извѣстія о взятіи Парижа; въ соборѣ собралось все знатное духовенство, начиная съ бывшаго тогда митрополита Амвросія. Императрица Марія Ѳеодоровна съ великою княжною Анной Павловной прибыла въ соборъ въ парадной каретѣ, сопровождаемая верхами великими князьями Николаемъ Павловичемъ и Михайломъ Павловичемъ. Въ соборѣ дожидались ихъ всѣ придворные и весь генералитетъ. Меня пригласила съ собою ѳхать туда же Екатерина Владиміровна Новосильцова, урожденная графиня Орлова, для которой отведено было мѣсто на малыхъ хорахъ собора, чтобы видѣть всю эту цере-

(а) Здѣсь кстати можно вспомнить подлинныя слова владыки о памяти: *у меня въ памяти, какъ въ рощетъ, ничего не держится.*

монію. Тутъ мнѣ указали на знаменитаго архимандрита Филарета. Съ того времени не видалъ я его до 1821 года, когда онъ уже былъ назначенъ архіепископомъ въ Москву. 3 іюля 1817 года, посвященъ онъ былъ въ епископа Ревельскаго оставаясь ректоромъ и викаріемъ С.-Петербургскимъ, потомъ переименованъ былъ архіепископомъ Тверскимъ, и назначенъ былъ синодальнымъ членомъ; въ 1820 году переведенъ былъ въ Ярославль, въ которомъ однако не успѣлъ побывать, потому что въ 1821 году 5 августа назначенъ быть архіепископомъ Московскимъ, на мѣсто митрополита Серафима, назначеннаго быть митрополитомъ С.-Петербургскимъ.

Новый архипастырь прибылъ въ Москву 14 августа; на другой, день т.-е. 15 августа въ Успенскомъ соборѣ послѣ совершенной имъ литургіи сказалъ вступительное слово, *о Благодати и мирѣ, какъ предметахъ желанія.*

Послѣ того случалось мнѣ видать его неоднократно въ служеніи, но я не былъ еще съ нимъ знакомъ до 1822 года. Познакомился же съ нимъ вовсе неожиданно. Это случилось такимъ образомъ: посѣтивъ Троицкую Лавру, и собираясь обратно въ Москву, зашелъ я проститься съ бывшимъ тогда намѣстникомъ покойнымъ Аѳанасіемъ, котораго я очень любилъ и уважалъ. Онъ спросилъ меня, не возьмусь ли я доставить владыкѣ очень нужное письмо? Иначе надобно будетъ дожидаться почтоваго дня, или посылать нарочнаго (потому что тогда не было еще ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ). Я отвѣчалъ ему, что съ удовольствіемъ принимаю его порученіе, чрезъ что буду имѣть случай получить благословеніе владыки. Итакъ по прибытіи моемъ въ Москву отправился я къ владыкѣ; онъ принялъ очень ласково, и благодарилъ за доставленіе письма, спрашивалъ о Лаврѣ и объ отцѣ намѣстникѣ. Собирался я уже и откланяться ему, какъ докладываютъ ему, что пріѣхали къ нему Екатерина Владиміровна Новосильцева и Варвара Михайловна Нарышкина. Обѣ дамы давно и коротко мнѣ были знакомы, почему я еще остался нѣсколько посидѣть у него; разговоръ сдѣлался общимъ; погода немного, подошелъ я къ владыкѣ, чтобы принять его благословеніе и проститься съ нимъ, при чемъ просилъ у него дозволенія бывать у него впредь; онъ отвѣчалъ мнѣ, что ему всегда пріятно будетъ меня у себя видѣть. Принявъ это только за вѣжливый отвѣтъ, я не думалъ быть у него скоро; но на другой день Нарышкина передала мнѣ, что владыка,

видя, что я съ ними очень знакомъ, много у нихъ обо мнѣ спрашивалъ и между прочимъ спросилъ: гдѣ я служу, и когда ему сказали, что я въ отставку, то сказалъ: „это очень жаль, мнѣ кажется, этому человѣку можно довѣрить милліоны“. Не знаю, изъ чего могъ онъ сдѣлать такое заключеніе, потому что у меня съ нимъ не было никакого разговора по сему предмету. Можетъ быть не слѣдовало бы мнѣ упоминать о томъ въ сихъ запискахъ, чтобы не похвалиться лестнымъ для меня его мнѣніемъ, но какъ безкорыстіе не есть мое приобрѣтеніе и есть во мнѣ врожденная склонность, то и не считаю себя заслуживающимъ никакой похвалы.

Послѣ милостиваго его отзыва обо мнѣ, я началъ посѣщать его чаще, и всегда принимаемъ имъ былъ съ любовью, а потомъ уже такъ часто, что когда не удавалось мнѣ быть у него нѣсколько дней сряду, то у общихъ нашихъ знакомыхъ спрашивалъ онъ: да не знаете ли вы, не прогнѣвался ли на меня за что Михаилъ Михайловичъ, давно его не вижу.

Въ семъ же 1822 году въ Троицкой Лаврѣ было отъ преподобнаго Сергія исцѣленіе купеческой дочери Екатерины Николаевны Грезенковой, о чемъ изъ Лавры владыкѣ было донесено; на каковое донесеніе написалъ онъ отъ 7 ноября къ тамошнему отцу намѣстнику Аванасію секретно слѣдующее предписаніе: „Преподобный отецъ намѣстникъ! Изъ Лавры донесено мнѣ о совершившемся, благодатію Божіею, и молитвами преподобнаго отца нашего Сергія, исцѣленіи дѣвицы Екатерины, дочери московскаго купца Николая Ивановича Грезенкова. По сему случаю поручаю вамъ, присоединивъ къ себѣ духовника сего семейства, посѣтитъ оное, и, при желаніи отъ насъ имъ благословенія Божія, изъяснить имъ соутѣшеніе наше о явленномъ въ нихъ милосердіи Господнемъ. Не излишне будетъ напомнить при семъ, что говаривалъ нѣкогда Врачъ душъ и тѣлесъ исцѣляемымъ: *вѣра твоя спасе тя, иди въ миръ; се здоровъ былъ еси, ктому не согрѣшай*. Воспомявая сіе, исцѣленная, и ближайшіе участники ея радости, родители ея, пусть утверждаютъ въ вѣрѣ и надеждѣ на Бога, и въ семъ найдутъ миръ душамъ своимъ. Благодарность за особенный даръ Божій пусть сохраняютъ, какъ особенное побужденіе всегда жить и поступать по святой волѣ Божіей. За симъ вы попросите ихъ дать отвѣты на нѣкоторые вопросы, которые нашель я нужнымъ сдѣлать въ дополненіе къ свѣдѣнію мною полученному.

Надѣюсь не нужно увѣрять ихъ при семъ, что въ требованіи моемъ нѣтъ инаго намѣренія, какъ то, чтобы истина происшествія представилась въ большей ясности, къ назиданію чтущихъ дѣла Божія. Прилагаемые при семъ вопросы вы возвратите мнѣ, вмѣстѣ съ дополнительными свѣдѣніями, которыя по онымъ получите. Филаретъ А. Московскій“.

По полученіи требуемыхъ свѣдѣній владыкою сдѣлано было описаніе исцѣленія въ такомъ видѣ: „Свѣдѣніе о семъ исцѣленіи заимствовано частію изъ сказанія отца получившей исцѣленіе московскаго купца Николая Иванова Грезенкова, частію изъ очевиднаго свидѣтельства многихъ въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ. Симеоновской церкви, что за Яузой, священникъ Николай Ѳедоровъ, духовникъ семейства Грезенковыхъ, также письменно засвидѣтельствовалъ, какъ о необычайной болѣзни, такъ и о чудесномъ исцѣленіи ея. Обстоятельнѣйшее же описаніе всего происшествія съ подробнымъ означеніемъ времени, когда что случилось, сдѣлано родственникомъ дѣвицы, г. титулярнымъ совѣтникомъ Василиемъ Добровольскимъ, очевиднымъ свидѣтелемъ и сопутникомъ ея въ Троицкую Сергіеву Лавру. Я долгомъ почелъ, говорить оныя въ своей запискѣ, записать для себя что видѣлъ и что слышалъ отъ самой болящей. Мы думаемъ, что не менѣе того есть долгъ сообщить сіе и другимъ вѣрующимъ въ благодатное Провидѣніе для утѣшенія и назиданія“.

„1821 года марта 3 дня дѣвица Екатерина Николаевна Грезенкова ѣздила проститься съ принявшею ее при рожденіи повивальною бабкою, которая скончалась. Возвратясь домой, дѣвица Грезенкова почувствовала зубную боль, стрѣльбу въ ушахъ, потомъ — боль въ правомъ боку; я наконецъ подвержена была судорогамъ и лому, который принуждалъ ее кричать день и ночь. Лѣченіе призваннымъ врачомъ вмѣсто помощи привело ее въ великое расслабленіе. По времени приглашецъ былъ другой; но и сей не имѣлъ успѣха. Наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія присовѣтовалъ оныя больной поставить въ хрѣнь ноги, отъ чего свело у нея правую ногу, къ самой спинѣ. Врачъ увѣрялъ, что это ничѣго не значить. Потомъ взялъ былъ и третій врачъ, который и обѣщалъ скорое выздоровленіе; но не видя облегченія, наконецъ отказался отъ пользованія. Екатерина Николаевна во время болѣзни своей неоднократно видѣла во снѣ преподобнаго Сергія, который приказывалъ ей сказать отцу ея, чтобы ѣхалъ съ нею къ

Троицѣ (въ Троицкую Сергіеву Лавру). Онъ именно сказалъ ей: *Ты будешь здорова, только не скоро; а иначе скоро забудешь.* Но родители ея, почитая снѣ сновидѣнія обыкновеннымъ дѣйствіемъ воображенія и болѣзненнаго состоянія, хотя и собирались ѣхать въ Лавру для утѣшенія страждущей, только медленно.

„Однажды ночью, когда она спала, бывшія при ней дѣвицы увидѣли, что она вдругъ повернулась, вскрикнула, потянула сведенную ногу, и уперлась ею въ грудь одной изъ нихъ; но чрезъ нѣсколько времени ногу опять начало сводить; и когда хотѣли удержать ее, больная не велѣла трогать. Поутру, когда окружающіе рассказывали о семъ родителямъ ея, они спрашивали ее, не видѣла ли чего во снѣ? Тогда она рассказала слѣдующее: видѣла я, что пришелъ преподобный Сергій съ Божією Матерью и оба, наложивъ на ногу руки, сказали: „теперь повѣрятъ“. Божія Мать сказала еще: „жаль тебя, дѣвица, давно ты страдаешь,“ и указывая на преподобнаго, сказала: „поѣзжай, онъ исцѣлитъ тебя“. Но какъ выпрямилась нога, того она не чувствовала, и не помнитъ даже, что не велѣла удерживать, когда стало ее сводить. Послѣ сего конечно уже надобно было повѣрить, и рѣшительнѣе располагаться къ путешествію въ Лавру.

„Между тѣмъ преподобный еще видѣлся ей, и между прочимъ приказывалъ на дорогу исповѣдаться и приобщиться св. Христовыхъ Тайнъ. Въ ночи же предъ тѣмъ днемъ, въ который ей надлежало исповѣдаться и приобщиться, опять видѣла во снѣ Божію Мать и преподобнаго, который пришелъ со святыми дарами, чтобы приобщить ее. Она сказала ему, что ее завтра будутъ исповѣдывать и приобщать; но онъ отвѣтствовалъ: нѣтъ нужды, то будетъ завтра, а я теперь приобщу тебя. Когда же преподобный приобщилъ ее, то Божія Мать отерла уста ея пеленою, но потомъ вновь повелѣвала ей ѣхать, говоря: поѣзжай и если будетъ тебѣ дорогою хуже, не отчаявайся: Мы будемъ съ тобою во всю дорогу.

„Наконецъ мая 12 дня отправились въ путь, и для переѣзда 60-ти верстъ съ небольшимъ, по чрезвычайной слабости болящей, потребовалось четыре дня.

„Мая 16 къ вечеру пріѣхали въ Троицкій Сергіевъ посадъ, и когда подъ стѣнами монастыря остановились, чтобъ найти удобную квартиру, больная очнулась и услышавъ, что пріѣхали къ желаемому мѣсту, перекрестилась, и слезы радости полились изъ глазъ ея. Мая 18

внесли ее въ соборную церковь на доскѣ и па перинѣ, и поставили на правой сторонѣ у праваго клира противъ самой раки преподобнаго. До начатія литургии, по желанію ея исповѣдывалась она у іеромонаха Гавріила при гробѣ преподобнаго. Въ извѣстное время она принесена была къ царскимъ вратамъ, для принятія тѣла и крови Христовой; а потомъ опять поставлена была на прежнемъ мѣстѣ. По окончаніи литургии и соборнаго молебна, когда народъ приложился къ мощамъ преподобнаго, больная принесена была ближе къ ракѣ, и начать молебенъ преподобному. Въ сіе самое время у нея начались сильныя судорожныя движенія. Она схватила мою руку, говорить г. Добровольскій, и приложила къ сердцу, которое необыкновенно билось, какъ будто бы хотѣло вырваться изъ нея. Нога же стала выправляться, и когда окончился молебенъ, была уже совсѣмъ выпрямлена. Больная нѣсколько разъ крестилась, и предстоящіе вида таковое Божіе благоволеніе, молились со слезами, и многіе стояли на колѣняхъ. По окончаніи молебна приложили ее къ мощамъ. Такимъ образомъ привезли ее на квартиру съ прямою ногою; но спустя часа два, начало ее опять сводить, и къ другому утру она сведена попрежнему.

„Мая 21-го, въ день празднованія Божіей Матери въ честь иконы Ея Владимірскія, болящая привезена была опять въ соборъ и поставлена на прежнемъ мѣстѣ, и опять послѣ литургии во время молебна нога стала выправляться, и выпрямилась совсѣмъ, съ тою только разницею, что судорожныя движенія были не такъ сильны, и біеніе сердца, хотя также необыкновенно, но легче прежняго. Послѣ молебна, какъ и въ первый разъ, приложили ее къ мощамъ преподобнаго и привезли въ домъ съ прямою ногою, но чрезъ нѣсколько времени начало сводить ее. Мая 22 также во время молебна у гроба преподобнаго вновь выпрямилась и уже безъ всякихъ судорожныхъ движеній, но потомъ въ домѣ свело у лѣвой руки пальцы. Мая 29 въ Троицынъ день во время молебна нога выпрямилась; когда стали приглядывать больную къ мощамъ преподобнаго, и рука коснулась одеждъ покрывавшихъ его, то пальцы на рукѣ сведенные вдругъ выпрямились; послѣ въ домѣ рассказывала, что въ то время чувствовала, какъ будто бы кто ее ударилъ въ руку,—послѣ сего руки болѣе не сводило. Мая 30 въ день сошествія Св. Духа, мая 31, юня 4, 5, 6 и 8 числь (всякій разъ) при гробѣ преподобнаго во время молебна ему, угоднику Божію, всякій разъ

нога выпрямлялась. Надобно замѣтить, что со втораго раза ее сводило разъ отъ раза менѣе, и наконецъ послѣ 8 юня она осталась совершенно прямою. Во все сіе время лѣкарствъ не употребляла, кромѣ масла изъ лампы подобнаго.

„По исцѣленіи ноги ея и пальцевъ руки, она давала знать родителямъ, что должно ѣхать въ Москву и быть пока довольными, какъ бы давая разумѣть, что еще не пришло время получить окончательное исцѣленіе.—Юля 24 привезена она была въ Москву съ прямою ногою, но съ закрытыми глазами и безъ употребленія языка, и въ семь состояніи пробыла до 24 ноября, то-есть до дня своего ангела. Въ сей день, когда пришелъ священникъ приобщить ее Св. Тайнъ, она вдругъ открыла глаза. Наконецъ 1822 года въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, Спаситель міра, по молитвамъ угодника Своего, благоволилъ довершить милосердіе Свое надъ болящею. Когда отецъ ея, возвратясь изъ церкви къ семейству, между прочими и ее привѣтствовалъ: *Христосъ воскрес!* уста ея разрѣшились, и первое ея слово было: *воистину воскрес!* Послѣ сего потребовала она трость; съ помощію ея встала съ постели, и съ тѣхъ поръ начала укрѣпляться.

„Да славятъ Господа за милость Его и за чудеса Его для сыновъ Человѣческихъ! Послалъ слово Свое, и исцѣлилъ ихъ, и избавилъ ихъ отъ могилы ихъ“. (Пс. 92. 20. 21.)

„Прославивъ съ Давидомъ Бога исцѣлителя, не можемъ удержаться, чтобы не обратить вниманія и болящихъ и здравыхъ на достопамятныя въ описанномъ здѣсь приключеніи слова, сказанныя болящей: *Ты будешь здорова, только не скоро, а иначе скоро забудешь.* Безъ сомнѣнія Отецъ щедротъ и Богъ всякаго утѣшенія всегда желаетъ и всегда готовъ подать немощнымъ и скорбящимъ отраду и помощь; но когда видитъ, что рановременная помощь не произведетъ духовнаго плода, для котораго скорбями воздѣлываетъ Онъ землю сердца нашего, тогда по милосердію медлитъ дѣломъ милосердія, чтобы съ неблаговременно помилованнымъ *не случилось грѣшно*; даетъ вкусить горечь страданія, дабы потомъ совершеннѣе восчувствована была сладость помилованія, и тѣмъ болѣе подкрѣплены были вѣра, надежда и любовь“.

Семейство исцѣлившейся мнѣ было знакомо и я былъ свидѣтелемъ того, какъ ее подносили на доскѣ къ мощамъ чудотворца Сергія, и какъ пальцы рукъ ея расправились,

когда прикасались покрыва преподобнаго. По отбытіи же пхъ изъ Лавры часто присылали ей черезъ меня масло отъ лампы чудотворца, которымъ она лѣчилась.

Въ 1823 году владыка вызванъ былъ въ Петербургъ для присутствования въ Синодъ, куда онъ и отправился. Прощаясь со мною, примѣтилъ онъ, что я неравнодушно съ нимъ расстаюсь, и желая утѣшить меня, приказалъ при отъѣздѣ своемъ казначею Лавры о. архимандриту Арсенію тотчасъ по отъѣздѣ своемъ отвезти мнѣ образъ Спасителя благословляющаго. На оборотѣ этого образа дѣлана его рукою надпись.—По пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ пожалованъ онъ былъ орденомъ Св. Александра Невскаго, за написанный имъ пространный катихизисъ, рассмотрѣнный и одобренный святѣйшимъ Синодомъ. — Въ слѣдующемъ же году уволенъ былъ въ Москву, кажется на цѣлый годъ. Въ Москву въ августъ мѣсяцъ пріѣзжалъ въ послѣдній разъ императоръ Александръ I, котораго и я видѣлъ въ послѣдній разъ 30 августа, въ день его ангела, шествующаго въ Успенскій соборъ въ лентѣ Александра Невскаго.

Кажется владыка пріѣхалъ въ Москву не задолго до прибытія государя. На пути случилось съ нимъ забавное происшествіе. Одинъ изъ моихъ петербургскихъ знакомыхъ А. И. М. передъ отъѣздомъ его въ Москву пришелъ къ нему, чтобы съ нимъ проститься. Владыка, зная его со мною дружбу, спросилъ его: что прикажете сказать о себѣ Михаилу Михайловичу? и ежели угодно будетъ послать къ нему со мною и посылку, то у меня для сего мѣсто отыщется въ экипажѣ моемъ.—Тотъ обрадовался доброму случаю, изволилъ отправить посылку ко мнѣ съ вареньемъ изъ морошки, которую я любилъ и каковой въ Москвѣ не всегда можно найти. Служители владыки, желая бережливѣе доставить мнѣ посылку, вздумали обернуть ее во владыкино шелковое одѣяло. Преосвященный въ проѣздъ чрезъ Тверь, пожелалъ остановиться ночевать, чтобы нѣсколько отдохнуть. Озябнувъ ночью, приказалъ принести одѣяло, которое ему и было подано. Покрывшись имъ, онъ не зналъ, какъ объяснить, отъ чего руки его склеились; призываетъ своего служителя, и тутъ загадка разъяснилась. По пріѣздѣ въ Москву, рассказывать онъ мнѣ съ улыбкою о семъ происшествіи. Совѣстно мнѣ было слышать, что я нѣкоторымъ образомъ былъ причиною сего происшествія, и на другой же день, вмѣсто того, чтобы благодарить своего пріятели за присланный имъ мнѣ подарокъ, я написать ему выговоръ; тотъ, получивши мое

письмо, встревожился и написал къ преосвященному извинительное письмо, за что и я получилъ выговоръ отъ владыки; онъ, увидавъ меня, сказалъ мнѣ: развѣ и для того рассказалъ вамъ о томъ, чтобы вы писали въ Петербургъ?

Многіе знакомые преосвященнаго просили у него дозволенія снять съ него портретъ, на что онъ долго не соглашался; наконецъ, по убѣдительной просьбѣ всѣхъ желающихъ того, согласился и дозволилъ мнѣ привести къ нему художника, мною рекомендованнаго, Андрея Петровича Соболевскаго, который удачно снималъ портреты акварелью. Владыка назначилъ мнѣ день и часъ, когда я могу его привести, что мною и было исполнено. Тогда владыка спросилъ меня: какъ прикажете мнѣ,—стоять или сидѣть? Я отвѣчалъ ему, что желаю того, что для него спокойнѣе быть можетъ. Онъ сказалъ, что ему совершенно все равно, и что онъ не устанетъ и стоять. Тогда просилъ я его сѣсть, и чтобы ему не скучно было сидѣть безъ дѣла, я просилъ у него дозволенія читать вслухъ ему ту книгу, за чтеніемъ которой мы его застали, на что онъ согласился и благодарилъ меня. На другой день художникъ долженъ былъ по его назначенію опять пріѣхать. Но владыка увѣдомилъ меня слѣдующею запискою: „Принужденъ предварить васъ, м. г., Михайлъ Михайловичъ, что я сегодня такъ немощенъ, что начатому дѣлу продолжаться нельзя. Можно ли завтра въ предположенное время, постараюсь предварить рано. Апр. 9, пятница.“ Черезъ день получилъ отъ него слѣдующую записку: „Естьли вамъ, Михайлъ Михайловичъ, и художнику свободно будетъ, я согласенъ ожидать васъ сегодня, или въ три, или съ половиною, или въ четыре часа, какъ вамъ удобнѣе. Посылаю проповѣдь и рѣчь для княгини Евкатерины Алексѣевны Волконской. Прошу, чтобы сіе было отъ меня. Ранѣе не поспѣлъ, не зная, гдѣ она пребываетъ.“ — Черезъ день получилъ записку: „Не худо бы какъ-нибудь сегодня кончить дѣло; въ первомъ ли, во второмъ ли часу пополудни угодно быть у меня, найдете меня и, надѣюсь готовымъ. Апр. 10, суббота“. Портретъ былъ почти готовъ, оставалось написать звѣзды на рясы. Я писалъ къ владыкѣ: вмѣсто того, чтобы его еще разъ беспокоить, вновь привозить къ нему художника, не угодно ли ему будетъ прислать ко мнѣ свою одежду, — сего достаточно будетъ для окончанія портрета. На сіе получилъ отъ него слѣдующую записку: „Посылается требуемая одежда. Надобно бы ей возвратиться домой ночевать.

А естли опять нужна будетъ, то можетъ быть вновь прислана отъ ранняго утра до поздняго вечера. Мая 3^а.

Неоднократно случалось мнѣ видать его въ затруднительныхъ и непріятныхъ для него положеніяхъ, а именно: въ 1824 году, по возвращеніи своемъ въ Москву, онъ былъ опечаленъ тѣмъ, что указомъ Свят. Синода типографской конторѣ предписано было остановить печатаніе написаннаго имъ (владыкою) катихизиса, разсмотрѣннаго и одобреннаго Св. Синодомъ и изданнаго по Высочайшему повелѣнію. Объ этомъ случаѣ много было толковъ; продажа катихизиса его не только запрещена была, но и находившіеся уже въ лавкахъ экземпляры отбираемы были. Любопытствующіе узнать причину того предлагали по 25 рублей за экземпляръ и не могли получать.—Нѣкоторые изъ посѣщавшихъ владыку такъ были неосторожны, что дозволяли себѣ спрашивать его: правда ли, преосвященнѣйшій, что катихизисъ вашъ запретили? На что онъ отвѣтствовалъ: нѣтъ, не мой, а изданный по Высочайшему повелѣнію, и одобренный Святѣйшимъ Синодомъ.—Авторъ катихизиса письмомъ къ первоприсутствующему въ Синодѣ митрополиту Серафиму просилъ его „обратить вниманіе на возникшее дѣло о синодально утвержденномъ катихизисѣ и дать сему дѣлу направленіе сообразное съ истиною, съ порядкомъ и достоинствомъ іерархіи, съ миромъ и безсоблазньемъ православныя церкви. Если сквозь дѣло хотятъ узвѣить лицо,—пускай. Но должно ли допускать, чтобы подкапывали твердость и достовѣрность церковнаго правительства, чтобы возмущать миръ церкви“?

По сему же случаю въ день святителя Алексія сказано было имъ слово въ Чудовомъ монастырѣ на текстъ: *Не мнози учителя бывайте, много бо согрѣшаемъ вси*. Запрещеніе же катихизиса сдѣлано было по настоянію бывшаго тогда министра просвѣщенія Шишкова, ревностію его не по разуму. Не православнымъ показалось ему то, что Символь вѣры (названный имъ министромъ молитвою), также *Отче нашъ* и десятословіе изложены были въ катихизисѣ русскимъ, а не славянскимъ языкомъ, и сія-то именно причина прописана была въ указѣ Святѣйшаго Синода къ московской типографіи. Хотя причина такового запрещенія была не важная, тѣмъ не менѣе чувствовалъ владыка оскорбленіе, нисколько не заслуженное.—Кончилось тѣмъ, что катихизисъ его дозволено было продавать и приказано было вездѣ по оному преподавать, но до сего разрѣшенія трудно владыкѣ было переносить скорбь сію.

Въ 1825 году, посѣщая часто Александра Павловича Протасова, встрѣчалъ я у него двоюродную сестру его графиню Екатерину Петровну Ростовчину, супругу бывшаго главнокомандующаго въ Москвѣ графа Ростовчина; она измѣнила православной вѣрѣ и присоединилась къ римской церкви. Слышалъ я однажды разсужденіе ея о книгѣ, сочиненной архиепископомъ нашимъ по случаю присоединенія къ римскому исповѣданію роднаго племянника князя Александра Николаевича Голицына, подъ названіемъ: *Разговоры между Испытующимъ и Увѣреннымъ*. Графиня сказала: „въ Парижѣ противъ этой книги вышло сочиненіе въ нѣсколькихъ книгахъ, въ которомъ сдѣлано сильное и ясное опроверженіе противъ книги Филарета; желала бы я знать, что бы могъ сказать теперь вашъ Филаретъ?“—Протасовъ, зная, что я часто посѣщаю владыку, предлагалъ мнѣ передать ему этотъ разговоръ. Долго не рѣшался я ему о томъ говорить, не находя всегда удобнымъ начинать о семъ, при многихъ встрѣчавшихся у него посѣтителяхъ. Однажды, когда я былъ съ нимъ наединѣ, зашелъ какъ-то разговоръ о римской церкви; тогда передалъ я ему слышанное отъ графини Ростовчиной. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что по настоящимъ его занятіямъ, онъ не имѣетъ довольно свободнаго времени, противъ огромнаго сочиненія направленнаго противъ его книги писать; но если угодно будетъ сдѣлать любой вопросъ, то онъ готовъ на всякой дать отвѣтъ. Это мною и передано было графинѣ. На другой же день получилъ я отъ ней выписку изъ книгъ на французскомъ языкѣ и поспѣшилъ отослать къ владыкѣ. Не прошло болѣе часа, какъ получилъ отъ него отвѣтъ, который мною и отосланъ былъ къ графинѣ. Такимъ образомъ завязалась чрезъ меня переписка съ нею, которая довольно долго продолжалась и въ которой владыка оставался всегда побѣдителемъ. Графиня, для которой возраженія писали всегда аббаты, не имѣя что на сужденія владыки отвѣчать и не говоря, что его доказательства несправедливы или неосновательны, уклонялась отъ нихъ въ сторону, начинала новые споры, что продолжалось довольно долго. Владыкѣ это наскучило; онъ сказалъ мнѣ, что онъ не желаетъ болѣе продолжать споры, которые ни къ чему не ведутъ. Последній его отвѣтъ графинѣ былъ слѣдующаго содержанія:

„Логика учить, или если угодно иначе, разсудокъ называется, что когда доказательство справедливо и заключеніе изъ доказательства выведено вѣрно, то нельзя спорить противъ заключенія; ибо что выводится изъ истины и вы-

водится вѣрно: то по необходимости есть истина, а не ложь.—Мнѣ предложили предметъ и назначили родъ доказательства. Употребивъ данный родъ доказательства я вывелъ заключеніе. Не говорятъ, что доказательство ложно; не говорятъ, что заключеніе выведено невѣрно: слѣдственно и заключеніе неоспоримо.

„Но, минуя доказательство, вновь начинаютъ споръ противъ заключенія: симъ образомъ, кому есть досугъ, продолжать можно всякій споръ безъ конца, приписывая разные призраки противоположныхъ доказательствъ.

„Между прочимъ требуютъ *многочисленныхъ* доказательствъ. Доказательства не деньги, которыхъ чѣмъ больше у кого есть, тѣмъ болѣе тотъ можетъ купить. Если есть одно твердое доказательство: то истина стоитъ базопасно, хотя бы тучи стрѣлъ, т.-е. возраженій, въ нее пустили. Господу надлежало доказать противъ саддукеевъ важную истину—воскресеніе мертвыхъ: Онъ употребилъ одно доказательство: *О воскресеніи же мертвыхъ нѣсте ли чли реченнаго вамъ Богомъ глаголющимъ: Азъ есмь Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ, и Богъ Иаковъ? Нѣсть Богъ, Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ* (Мат. 22, 31. 32.). Неужели сказать, что доказательство сіе не годится, потому что одно, а надобны *многочисленные*? И враги Господа не сказали сего: но *смышавше народи дивляхуся* (33), и самые фарисеи признавались, *яко посрами саддукеи* (34). Итакъ требованіе многихъ доказательствъ не ослабляетъ одного даннаго: хотя впрочемъ и многія представлять полезно, когда того требуютъ обстоятельства.

„*Тысяча примѣровъ и множество текстовъ*, которыхъ въ самомъ дѣлѣ не приведено, составляютъ доказательство, на которое надобно что-нибудь отвѣчать, потому что оно кажется торжественнымъ, но на которое трудно дать отвѣтъ, который бы не показался неприятнымъ. Да простятъ меня и выслушаютъ спокойно, что я спокойно говорю, по необходимости, будучи вызванъ. Сія *тысяча* и сіе *множество* суть слова, въ которыхъ много звука, но мало свѣта; а истина требуетъ свѣта, какъ и сама есть свѣтъ. Это родъ ученой угрозы: но угроза не всегда означаетъ силу, и не всегда ручается за побѣду. Представлено *три* выписки: я и считаю три, а не *тысячу*.

„О двухъ выпискахъ *въ пользу римской церкви* изъ Иеронима и Кирилла александрійскаго ничего теперь не скажу, потому что книгъ сихъ писателей не имѣю подъ рукою. Выписку изъ Кирилла не знаю и найду ли, потому что указаніе сего не обѣщаетъ. Третья выписка изъ Амвросія

медіоланскаго, котораго книга близка. И такъ перепишемъ по-русски французскую выписку и сравнимъ съ подлинною книгою св. Амвросія. „Церковь, пишетъ св. Амвросій медіоланскій, есть тамъ, гдѣ Петръ. Корабль св. Петра есть ковчегъ Ноевъ, вѣвъ коего все погибаетъ. Общеніе (communio) съ Римомъ есть то, которое достаточно для соединенія со всѣми католическими епископами; его-то важнаго сужденія (autorité) держаться должно въ затрудненіяхъ, какія встрѣчаются“. На псалом. 40. слов. 11, писъм. 74, къ Теофилу.

„Раскрываю толкованіе на псаломъ 40 и нахожу слѣдующее: *Гдѣ Петръ, тамъ Церковь; гдѣ Церковь, тамъ нѣтъ никакой смерти, но жизнь вѣчная.* О римской церкви ни слова. Петръ же былъ не въ одномъ Римѣ, гдѣ хотѣли бы его заключить нынѣшніе римскіе епископы, но также и въ Антиохіи, а прежде всего въ Иерусалимѣ, который и называется въ литургіи св. Іакова и въ стихахъ св. Іоанна Дамаскина, донынѣ поемыхъ на воскресной вечерни, *матерію церковей.* Раскрываю слово, по парижскому изданію 1661 года, 62-ое, по прежнимъ изданіямъ 11, и нахожу изъясненіе повѣствованія евангельскаго о Спасителѣ изъ корабля Петрова учащемъ народы. Между прочимъ св. Амвросій говоритъ о Господѣ: „Петровъ корабль избираетъ, Моисеевъ оставляетъ, т.-е. презираетъ вѣроломную синагогу, приеѣмлетъ вѣрную церковь. Далѣе: *поступи во глубину,* т.-е. во глубину разсужденій о божественномъ рожденіи: ибо есть ли что столь глубокое, какъ то, что сказалъ Петръ Господу: Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго? Еще далѣе: „какъ Ноевъ ковчегъ, при потопленіи міра, всѣхъ, которыхъ принялъ, сохранилъ въ безопасности: такъ и Петрова Церковь, когда міръ старать будетъ, всѣхъ, которыхъ объѣмлетъ, представитъ невредимыхъ“. Опять ни слова о римской церкви. Петровою же Церковью Христова названа очевидно по примѣненію къ кораблю Петрову, и къ его исповѣданію вѣры, на которомъ утверждается Церковь, и по которому Петръ, первый исповѣдникъ *Христа Сына Божія,* какъ *первый камень* положенъ въ основаніе Церкви Христовы, впрочемъ *рядомъ* съ древними камнями древняго храма, и съ другими новыми храма обновленнаго, на единомъ для всѣхъ красугольномъ и въ граву сущемъ камени, по реченному: *назданн бывше на основаніи апостолъ и пророкъ, сущу красугольному самому Іисусу Христу* (Еф. 11. 20). *Основанія бо инаго никтоже можетъ положить наже лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ.* (1 Кор. 3. 11).“

Эта переписка владыки съ графинею Ростопчиной ведена была не непосредственно, а через меня и сохранилась у меня въ копи. Какъ-то почтенный отецъ архимандритъ Даниловскій Іаковъ, нынѣ епископъ Муромскій, посѣтилъ меня, и увидѣвъ эту переписку, просилъ меня дать ему для прочтенія. Потомъ показалъ ее митрополиту, прося его дозволенія напечатать ее въ изданіи Общества любителей Духовнаго просвѣщенія. Митрополитъ, увидавъ сію переписку, о которой вѣроятно и забылъ, съ удивленіемъ спросилъ, гдѣ могъ онъ ее достать, и когда отецъ архимандритъ сказалъ ему, что онъ получилъ ее отъ меня, сказалъ ему: оставь ее у меня для разсмотрѣнія,—и черезъ нѣсколько времени дозволилъ напечатать въ Чтеніяхъ Общества любителей Духовнаго просвѣщенія, однако же не вполне. Она помѣщена въ книжкѣ Чтеній 1865 года.

Въ томъ же 1825 году преставился блаженной памяти государь императоръ Александръ Павловичъ 19-го числа ноября въ Таганрогѣ. Извѣстіе о семъ не скоро могло достигнуть до Москвы, ибо тогда еще не существовало ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ. 27-го числа поутру я узналъ о семъ несчастіи, и въ тотъ же день вечеромъ передъ всею ночью, которую я всегда слушалъ въ домовой церкви владыки, зашелъ къ нему. Я никакъ не могъ вообразить, чтобы не дошло до него сіе печальное извѣстіе. Къ удивленію моему, нашелъ его въ веселомъ расположеніи духа. Не желая быть первымъ вѣстникомъ сего печальнаго происшествія, я не начиналъ говорить о семъ; но когда онъ улыбаясь сказалъ мнѣ, что ему принесли курьезную книгу, которую сейчасъ мнѣ покажетъ,—тогда я удостовѣрился, что онъ ничего не слыхалъ о постигшей насъ горести. Я остановилъ его, сказавъ ему: вѣроятно, преосвященный, вы ничего не знаете, что съ нами случилось. Онъ остановясь спрашиваетъ меня: а что такое? Я долженъ былъ ему объявить, что 19-го числа государь скончался. Что вы говорите? это не можетъ быть,—возразилъ онъ. Я же отвѣчалъ ему, что по несчастію, могу его въ томъ увѣрить, и онъ могъ только сказать: „Боже мой! Какое несчастіе! что съ нами теперь будетъ?“. Вслѣдъ за симъ начали къ нему пріѣзжать посѣтители, которые подтвердили мною сказанное. На другой день былъ я у обѣдни въ домовой церкви князя Сергія Михайловича Голицына. У него и обыкновенно много бывало посѣтителей, но въ сей день особенно много собралось гостей, можетъ быть потому, что надѣялись уз-

вать что-нибудь подробнѣе о кончинѣ государя. Князь, увидавъ меня, подошелъ ко мнѣ и говоритъ мнѣ: „я сейчасъ получилъ письмо отъ преосвященнаго Филарета; онъ проситъ у меня дозволенія прїѣхать ко мнѣ; вѣроятно желаетъ онъ со мною переговорить о чемъ-нибудь на счетъ кончины императора. Ты видишь, сколько у меня гостей, при всѣхъ говорить ему будетъ неудобно. Надобно дать время всѣмъ разѣхаться, тогда мы съ тобой къ нему поѣдемъ“. Я отвѣчалъ ему: очень хорошо, и прибавилъ: „вообразите, что преосвященный до вчерашняго вечера ничего о томъ не зналъ, что я первый передъ всею ночью ему о семъ объявилъ, и замѣтно было, что это его очень встревожило“. Итакъ, когда всѣ гости отъ князя разѣхались, мы съ нимъ поѣхали къ преосвященному. Владыка началъ говорить: „вообразите, что со мною дѣлаетъ князь Дмитрій Владиміровичъ (а). Онъ до сихъ поръ меня ни о чемъ не увѣдомляетъ; я узналъ о семъ несчастіи отъ Михаила Михайловича, а мнѣ можетъ быть нужнѣе знать о семъ, нежели кому другому“. Говоря это, онъ имѣлъ въ виду завѣщаніе покойнаго императора, подписанное имъ 16-го августа 1823 года. Оно составлено самимъ владыкою по порученію государя и по его приказанію положено было имъ преосвященнымъ для храненія въ ковчегѣ на престолѣ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, съ тѣмъ, чтобы по смерти императора, прежде всякаго дѣйствія оное вскрыть. Князь Сергій Михайловичъ всячески старался оправдывать кн. Дмитрія Владиміровича и уговорилъ владыку вмѣстѣ съ нимъ ѣхать къ нему для объясненія обо всемъ. Князь же Дмитрій Владиміровичъ не зналъ о завѣщаніи, положенномъ покойнымъ императоромъ и весьма былъ удивленъ, когда услышалъ о семъ. Одному только владыкѣ извѣстна была надпись на пакетѣ собственноручная покойнаго императора таковая: „Въ случаѣ моей кончины открыть московскому епархіальному архіерею и московскому генераль-губернатору въ Успенскомъ соборѣ, прежде всякаго другаго дѣйствія“. Въ то же самое время получено было приказаніе отъ великаго князя Николая Павловича, чтобы тотчасъ принесена была присяга воцарившемуся императору Константину I, пребывавшему тогда въ Варшавѣ, и чтобы прежде сего не приступали ни къ какому иному дѣйствию. Вслѣдствіе та-

(а) Голицынъ, бывшій въ то время генераль-губернаторомъ Москвы.

коваго повелѣнія, 30-го ноября и учинена была присяга императору Константину Павловичу. Послѣ того между двумя братьями происходилъ великодушный споръ. Старшій Константинъ, какъ давно уже отрекшійся отъ наслѣдованія престола, настаивалъ, что онъ не перемѣнитъ прежняго своего намѣренія. Младшій, т.-е. великій князь Николай Павловичъ, не соглашался также принять престолъ. Довольно долго продолжался между двумя братьями сей споръ. Наконецъ 12 декабря великій князь Николай Павловичъ вынужденнымъ нашелся въ семь спорѣ уступить и манифестомъ изданнымъ 12-го декабря объявилъ о своемъ восшествіи на престолъ. Вслѣдъ затѣмъ, т.-е. 14-го декабря послѣдовало въ Петербургѣ извѣстное уже всѣмъ возмущеніе. 18-го же декабря и въ Москвѣ принесена была присяга императору Николаю Павловичу. Предъ присягою, при многочисленномъ съѣздѣ всѣхъ знатныхъ особъ, архіепископомъ вынесенъ былъ изъ алтаря ковчегъ, въ которомъ хранилась послѣдняя воля императора Александра, и положенъ былъ на аналой, стоявшій на амвонѣ. Потомъ архіепископъ поднесъ къ предстоящимъ тутъ ковчегъ съ сими словами: изволите ли видѣть печать императора? По разсмотрѣннн всѣми, она была снята. Изъ ковчега вынуть былъ пакетъ также запечатанный, съ надписью собственноручною императора, которую преосвященный также всѣмъ показавъ сказалъ: изволите ли видѣть собственноручную надпись покойнаго императора? Тогда вскрытъ имъ большой пакетъ, въ которомъ находились отреченіе отъ престола великаго князя Константина Павловича, также письма его къ покойному императору и къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, и завѣщаніе императора Александра о назначеніи послѣ себя наслѣдникомъ престола великаго князя Николая Павловича. Въ слѣдъ за симъ произнесена была архипастыремъ рѣчь о послѣдней волѣ императора, за рѣчью слѣдовала присяга.

Наканунѣ сего дня, т.-е. 17-го декабря, былъ я у владыки и онъ рассказывалъ мнѣ, въ какомъ опять находился безпокойствѣ и затруднительномъ положеніи. Въ два часа ночи его разбудили и доложили, что пришелъ къ нему священникъ отъ церкви Троицы, что на Листахъ, который имѣетъ ему сообщить о дѣлѣ, нетерпящемъ времени. Владыка призываетъ его къ себѣ, и спрашиваетъ его: что ему нужно? Тотъ объявляетъ, что онъ получилъ отъ своего начальства предписаніе о немедленномъ приведеніи къ присягѣ императору Николаю Павловичу коман-

ды морскаго вѣдомства, приписанной къ вышеозначенной церкви. Новое было затрудненіе для владыки, не получившаго ни отъ кого officialнаго увѣдомленія о присягѣ; надо было дѣйствовать на угадъ: и разрѣшить и воспретить священнику приведеніе къ присягѣ казалось опаснымъ. Чтобы выиграть нѣсколько времени до полученія чего-нибудь вѣрнаго, владыка сказалъ священнику: поиди домой и привеси мнѣ подлинную бумагу, которую ты получилъ; а между тѣмъ карандашомъ написалъ наскоро записку князю Дмитрію Владиміровичу, спрашивая его, не получилъ ли онъ чего изъ Петербурга. Князь отвѣчалъ ему, что онъ ничего не получалъ. Можно себѣ представить то затруднительное положеніе, въ какомъ былъ владыка. Между тѣмъ священникъ принесъ къ нему бумагу; разсмотрѣвъ ее и убѣдившись, что она должна быть настоящая, владыка приказалъ священнику приводить команду къ присягѣ. Уже въ 8 часовъ утра князь Дмитрій Владиміровичъ увѣдомилъ владыку, что полученъ манифестъ о воцареніи императора Николая и что въ этотъ день должна быть ему принесена присяга. Замѣшательство произошло оттого, что каждый министръ по своей части послалъ по своему вѣдомству курьеровъ; посланный морскимъ министромъ упредилъ другихъ, а потому начальствомъ Сухаревской Башни сдѣлано было распоряженіе о присягѣ ранѣе, что владыкѣ доставило не мало безпокойства.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, князь Сергій Михайловичъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, куда пригласилъ и меня ему сопутствовать, и кажется 20 числа мы выѣхали изъ Москвы. Наканунѣ того дня владыка при прощаніи со мною просилъ меня доставить его письма: одно къ с.-петербургскому митрополиту Серафиму, а другое къ преосвященному Григорію, бывшему тогда ректоромъ С.-Петербургской академіи и петербургскимъ викаріемъ (въ послѣдствіи митрополитъ Новгородскій и Петербургскій). 24 декабря наканунѣ праздника Рождества Христова пріѣхали мы въ Новгородъ, гдѣ и остановились ночевать. Князь спрашиваетъ меня: гдѣ же намъ слушать утреню? Я отвѣчалъ ему: всего лучше было бы въ Софійскомъ соборѣ, гдѣ мы приложимся ко всѣмъ мощамъ. Предложеніе мое было принято. А слушать обѣдню я посоветовалъ въ Юрьевѣ монастырѣ, объ украшеніи котораго всѣ тогда такъ много толковали, что любопытно было бы все это видѣть. Князь сказалъ, что и онъ бы этого желалъ; но какъ ему извѣстно, что графиня Анна Алексѣев-

на Орлова теперь тамъ и вѣроятно захочетъ познакомить его съ отцемъ Фотіемъ, чего онъ никакъ не желаетъ, то и находить неудобнымъ туда ѣхать. А какъ мнѣ непременно желалось видѣть этотъ монастырь, то я представилъ князю, что въ день такого великаго праздника вѣроятно будетъ тамъ много народа, и мы можемъ стать въ такомъ мѣстѣ, что насъ никто и не увидитъ, а когда обѣдня кончится и всѣ изъ церкви выдутъ, мы свободно тогда все можемъ разсмотрѣть. Князь на мое предложеніе согласился. Такимъ образомъ мы поѣхали въ Юрьевъ, и помѣстились въ церкви у западной стѣны. Архимандритъ Фотій служилъ обѣдню въ богатомъ облаченіи съ панagioю изъ крупныхъ изумрудовъ, осыпанною брилліантами. Графиня Орлова приобщалась св. Христовыхъ Тайнъ. Когда же обѣдня кончилась, и всѣ изъ церкви вышли, мы остались одни, и начали разсматривать образа, богато украшенные драгоценными камнями. Я сказалъ князю: видите ли вы, какъ хорошо сдѣлали, что меня послушали; теперь мы на просторѣ все разсмотримъ. Вслѣдъ за этимъ моимъ словомъ, является къ намъ посланный отъ графини Анны Алексѣевны, и говорить, что графиня убѣдительно проситъ насъ зайти къ отцу Фотію. Не знаю, какъ она могла провѣдать, что мы тутъ; вѣроятно ямщикъ нашъ проболтался. Князь отвѣчалъ посланному, что онъ извиняется предъ графинею и не можетъ исполнить ея воли, потому что одѣтъ въ дорожномъ платьѣ и въ теплыхъ сапогахъ. Потомъ оборотясь ко мнѣ, сказалъ: уйдемъ поскорѣе, — и мы поспѣшили къ своей каретѣ. Не зная, гдѣ находится келья отца Фотія, мы шли именно противъ крыльца его, а на крыльцѣ уже стояла графиня, дожидаясь насъ, говоря: за что же вы для такого великаго праздника хотите огорчить о. архимандрита, что не желаете принять его благословенія? Сколько ни отговаривались мы тѣмъ, что одѣты по дорожному, что неучтиво будетъ въ первый разъ представиться въ такихъ костюмахъ, графиня настояла на своемъ, и мы въ теплыхъ сюртукахъ и въ дорожныхъ сапогахъ должны были ей повиноваться. Отецъ Фотій принялъ насъ очень ласково, чего не всегда ожидать можно отъ него, потому что онъ многихъ трактовалъ по своему. Намъ подали кофе; графиня сама наливала сливки и говорила: не правда ли, что это велие утѣшеніе послѣ такого продолжительнаго поста? Отецъ Фотій много говорилъ о событіяхъ тогдашняго времени, и мы болѣе часу у него пробыли: при прощаніи съ нами далъ князю про-

сфору, а мнѣ благословенный хлѣбъ, и цѣловаль насъ въ голову. На другой день пріѣхали мы въ Петербургъ, остановились въ собственномъ домѣ князя, находившимся близъ Синяго моста.—Въ Петербургѣ не совсѣмъ еще было спокойно; безпрестанно встрѣчались закрытыя рогожею повозки, въ которыхъ привозили изъ разныхъ отдаленныхъ мѣстъ преступниковъ, участвовавшихъ въ заговорѣ, кончившемся бунтомъ 14 декабря и провозили ихъ въ крѣпость, гдѣ они содержались. По пріѣздѣ нашемъ въ Петербургъ поспѣшилъ я исполнить порученіе нашего владыки и на другой день отправился въ Невскую Лавру къ митрополиту Серафиму; онъ принялъ ласково, и узнавъ, что я пріѣхалъ вчера вмѣстѣ съ княземъ Сергіемъ Михайловичемъ, съ веселымъ лицомъ сказалъ мнѣ; какую вы мнѣ сказали радости! этого человѣка я такъ много люблю и уважаю. Долго удерживалъ меня у себя, разспрашивая, что и какъ у насъ въ это время было; рассказывалъ мнѣ подробно о недавно случившихся происшествіяхъ въ Петербургѣ, и вздохнувъ прибавилъ: „Вотъ, сударь, до чего мы дожили, и мнѣ пришлось воевать. Въ это время я находился во дворцѣ для приведенія къ присягѣ въ ожиданіи Государя, который находился еще на площади, гдѣ происходилъ бунтъ, — и долгое время мы его ожидали; наконецъ изволилъ прислать своего генераль-адъютанта ко мнѣ, приглашая меня пріѣхать на мѣсто бунта. Я поспѣшилъ сѣсть въ карету, а генераль-адъютантъ изволилъ стать на запятки, и когда мы доѣхали до мѣста, гдѣ эти безпорядки происходили, я вышелъ изъ кареты въ мантия и держа въ рукахъ крестъ, началъ говорить бунтовавшимъ: „именемъ Распятаго увѣряю васъ въ истинѣ; я уже одною ногою стою въ гробѣ и обманывать васъ не стану“. Нѣкоторые изъ нихъ начали креститься и подходить ко кресту, чему я не мало обрадовался, какъ вдругъ одинъ выскочилъ изъ толпы, имѣя шпагу въ рукѣ, и помахивая ею закричалъ: что вы этому старому плуту вѣрите? Онъ васъ обманываетъ. Затѣмъ надъ головою моею пролетѣло нѣсколько пуль; тогда Государь приказалъ мнѣ удалиться; меня провели по какимъ-то доскамъ, посадили въ сани, за которыми сталъ діаконъ и меня обратно привезли во дворецъ, въ дворцовую церковь, гдѣ и находился я до прибытія Государя долгое время, и тогда уже принесена была присяга. Митрополитъ кievскій Евгеній также выѣзжалъ на площадь, но и онъ возвратился безъ успѣха.“— Домъ митрополита въ Лаврѣ очень хорошъ; комната въ

которой я у него сидѣлъ, хорошо убрана, канапе и кресла обиты малиновымъ бархатомъ съ золотомъ. Простаясь съ нимъ, я отправился къ преосвященному Григорію, который жилъ въ академическомъ домѣ, будучи академіи ректоромъ. Этотъ меня также принялъ очень ласково по дружбѣ его съ нашимъ владыкою, много объ немъ разспрашивалъ и несмотря на то, что я торопился его оставить, дорожа его временемъ по большимъ его обязанностямъ, онъ все у себя удерживалъ и привѣтливостію своею много расположилъ меня къ себѣ. Когда я по возвращеніи своемъ въ Москву передалъ о томъ нашему владыкѣ, онъ сказалъ мнѣ: „да, я имѣлъ честь быть учителемъ преосвященнаго Григорія, а теперь многому желалъ бы у него поучиться“. Вотъ какъ онъ цѣнилъ его.

Въ Петербургѣ (въ 1825 году) прожилъ я съ княземъ С. М. Голицынымъ болѣе мѣсяца; въ продолженіи этого времени я посѣщалъ обоихъ преосвященныхъ; митрополитъ Серафимъ пріѣзжалъ къ князю. По вечерамъ же всего чаще проводилъ я время у Наталіи Кирилловны Загряжской, урожденной графини Разумовской. Всякій день у нея собиралось лучшее петербургское общество. Она жила въ одномъ домѣ съ княземъ Кочубеемъ, на племянницѣ (а) которой онъ былъ женатъ. Князь Сергій Михайловичъ былъ принятъ особенно милостиво государемъ, который часто приглашалъ его къ себѣ. Однажды государь сказалъ ему, что недоволенъ архіепископомъ московскимъ за то, что будто онъ разрѣшалъ въ бывшей тогда прясягѣ Константину Павловичу, чего не слѣдовало ему дѣлать; также за то, что какой-то образъ, явившійся въ Москвѣ, носимъ былъ по улицамъ. Князь увѣрялъ государя, что ему донесено было о семъ не такъ и не справедливо. Въ скоромъ времени послѣ этого государемъ пожалованъ былъ архіепископу бриліантовый крестъ для ношенія на черномъ клобукѣ.

Въ концѣ января 1826 года мы собрались возвратиться въ Москву и наканунѣ выѣзда нашего поѣхали къ митрополиту Серафиму, чтобы съ нимъ проститься; мы встрѣтили его на Невскомъ проспектѣ ѣдущимъ въ Синодъ. Онъ просилъ насъ перейти въ его карету, что мы и сдѣлали; поговоривъ съ нимъ довольно времени, тутъ и простились съ нимъ въ надеждѣ скоро опять съ нимъ свидѣться въ Москвѣ, куда онъ долженъ былъ прибыть

(а) Марья Васильевнѣ Васильчиковой.

для коронованія императора. Въ Москву мы возвратились 1-го февраля; здѣсь ожидали тогда прибытія изъ Таганрога тѣла покойнаго императора. Слухи въ Москвѣ ходили очень неблагопріятные, — говорили, что съ прибытіемъ тѣла его, будетъ бунтъ въ Москвѣ; слухи эти такъ напугали жителей, что многія семейства собирались выѣзжать изъ Москвы. По этому поводу владыка 28 января 1826 года разослалъ предписаніе ко всему московскому духовенству слѣдующаго содержанія: „Братіямъ и сослужителямъ о Господѣ радоватися. Приближается время принесенія тѣла въ Возѣ почившаго государя императора Александра Павловича чрезъ сей градъ. Чуждые народы сопровождаютъ память его молитвою и оплакиваніемъ, колыми паче отечество наше, колыми паче сей первопрестольный градъ. Устройте сердца ваши провести сіе время во благоговѣніи, въ смиреніи предъ судьбами Божиими, которыя великими лишеніями и скорбями посѣщаютъ насъ по грѣхамъ нашимъ, и въ прилѣжныхъ молитвахъ, да успокоитъ Всеблагій Богъ душу преставльшагося царя и да не престанетъ сохранять царство и градъ отъ сыновъ отступленія, запечатлѣнныхъ печатію отчаянія, и отъ всякаго зла. Вслушайте и прочимъ православнымъ людямъ, чтобы приготовляемыхъ для царскаго величія почестей не дѣлали для себя предметомъ одного празднаго любопытства, но чтобы взирали на оныя съ умиленіемъ и благоговѣйнымъ помышленіемъ, какъ преходитъ земное величіе, и какъ отъ великаго царя до малѣйшаго изъ подданныхъ для всѣхъ одна непреходящая надежда есть царствіе Божіе“.

Несмотря на распространившіеся слухи о имѣющемъ быть возмущеніи въ Москвѣ, когда привезено будетъ тѣло покойнаго императора изъ Таганрога, оно встрѣчено было, какъ и слѣдовало, очень спокойно; процессія тянулась отъ серпуховской заставы до самаго кремля. Пышную и печальную церемонію смотрѣлъ я изъ дома какого-то купца, уступленнаго имъ на сей день графу Владиміру Григорьевичу Орлову, который просилъ меня сопровождать внуку его Е. П. Д., бывшую въ послѣдствіи княгинею Долгоруковою. Тѣло покойнаго императора поставлено было въ Архангельскомъ соборѣ, подъ богато-устроеннымъ балдахинномъ на возвышенномъ полу; и въ семъ случаѣ владыка нашъ имѣлъ непріятное столкновеніе съ главноначальствующимъ кремлевскою экспедиціею, княземъ Николаемъ Борисовичемъ Юсуповымъ, которому устройство сей церемоніи было препоручено. Предположено было поднять полъ

до того, чтобы онъ покрывалъ и гробницы съ св. мощами, которые тогда были бы попираемы ногами. Владыка не согласился на это и успѣлъ не допустить сего. На другой день по привезеніи тѣла императора, т.-е. 4-е февраля, архіепископомъ совершена была въ Архангельскомъ соборѣ заупокойная литургія и сказано имъ весьма краснорѣчивое слово на текстъ: *Подобенъ ему не бысть предъ нимъ царь, иже обратися ко Господу, всѣмъ сердцемъ своимъ и всею душою своею, и всею силою своею. Обаче не отвратися Господь отъ ярости гнѣва своего великаго.* (4 Царст. 23, 25, 26). Не помню, сколько дней оставалось тѣло императора въ Москвѣ, но помню, что къ нему не только цѣлые дни, но и цѣлыя ночи стекалось множество народа всякаго званія. Всѣ желали проститься съ своимъ царемъ, котораго такъ искренно любили, свидѣтельствомъ чего служили проливаемые слезы. Съ такою же церемоніею проведено было тѣло государя изъ Москвы и до Санктъ-Петербурга; не доѣзжая Петербурга, оно въ Чесмѣ переложено было въ другой гробъ и привезено было 6 марта въ Петербургъ, а 13 числа марта 1826 года предано было землѣ въ Петропавловскомъ крѣпостномъ соборѣ.

30 апрѣля императрица Марія Θεодоровна прибыла въ Москву, гдѣ встрѣчена была въ Успенскомъ соборѣ архіепископомъ и привѣтствована была отъ него рѣчью. Она изволила отправляться черезъ Москву, для встрѣчи возвращавшейся изъ Таганрога вдовствующей императрицы Елисаветы Алексѣевны; но послѣдняя, достигнувъ только до города Бѣлева Тульской губерніи, переселилась въ вѣчность, недождавшись свиданія съ матерью. Тѣло ея изъ Бѣлева препровождено было въ Петербургъ черезъ Можайскъ, куда и императрица Марія Θεодоровна отправилась; сюда же прибылъ и архіепископъ московскій и служилъ въ присутствіи ея величества заупокойную обѣдню, послѣ которой сказывалъ надгробное слово. Императрица Марія Θεодоровна изъ Можайска возвратилась въ Москву и до пріѣзда императора оставалась въ окрестности Москвы въ селѣ Влахернскомъ, принадлежащемъ князю Сергію Михайловичу Голицыну.

Приближалось время коронаціи; много стало съѣзжаться архіереевъ; надобно было нашему владыкѣ всѣхъ удобно развѣстить, и сдѣлать разныя распоряженія касательно коронаціонной церемоніи въ Успенскомъ соборѣ. Насталъ и 22 день августа, назначенный для коронаціи. Чтобы не опоздать въ кремль, въ который позже 5 часовъ утра уже

не пропускали, я отправился туда накануне того дня; всю ночь бдѣніе слушалъ въ Архангельскомъ соборѣ, и ночевалъ въ царскихъ теремахъ, раннюю обѣдню слушалъ въ Чудовѣ монастырѣ, и потомъ отправился на мѣста, устроенныя рядомъ съ Архангельскимъ соборомъ для зрителей; отсюда виденъ былъ выходъ съ Краснаго крыльца царской фамиліи. Прежде проходила вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна подъ глазетовымъ балдахиномъ, а спустя нѣсколько времени и императоръ Николай Павловичъ съ императрицею Александрой Ѳеодоровною и вся царская фамилія шествовали. Коронаваніе совершалъ митрополитъ новгородскій и петербургскій Серафимъ; нашъ же владыка въ сей день пожалованъ былъ митрополитомъ и не прежде возложилъ на себя бѣлый клобукъ, какъ отнесъ оный въ Чудовъ монастырь, положилъ его въ раку святителя Алексія, и какъ бы отъ него принялъ оный и возложилъ на себя. Въ сей же день поздравлялъ я и князя Сергія Михайловича, получившаго Александровскую ленту.

По возвращеніи изъ Успенскаго собора императоръ съ императрицею, въ коронахъ и порфирахъ, проходили мимо насъ въ Архангельскій соборъ для прикладыванія къ образамъ и мощамъ; отсюда заходили въ Благовѣщенскій соборъ, и чрезъ Красное крыльцо пошли въ Грановитую Палату къ обѣду. Для зрителей, въ числѣ которыхъ былъ я, устроенъ былъ балконъ у окна Грановитой Палаты, съ котораго очень хорошо было видно, какъ государь съ обѣими императрицами въ коронахъ и порфирахъ на тронѣ изволили кушать. Въ то же время за накрытыми столами сидѣли всѣ приглашенные; одни только великіе князья цесаревичъ Константинъ Павловичъ и Михайлъ Павловичъ не сѣли за столъ, а ходили во время обѣда; я видѣлъ, какъ императоръ всталъ и держа въ рукахъ бокалъ, взглянулъ на тайникъ и пилъ здоровье великихъ князей, находившихся въ ономъ для смотрѣнія церемоніальнаго обѣда, Государь очень усталъ и торопился скорѣе окончить обѣдъ, такъ что едва успѣвали подать одно блюдо, какъ тотчасъ отнимали и начинали подавать другія. За обѣдомъ я первый разъ увидѣлъ графа Сперанскаго. Вечеромъ городъ весь и Иванъ Великій великолѣпно были иллюминированы. Государь съ государынею и со всею царскою фамиліею прокатывались по городу, улицы были переполнены народомъ. Нѣсколько дней празднества продолжались; для простаго народа было угощеніе на Дѣвичьемъ полѣ; при дворѣ и у многихъ были балы.

Митрополитъ Серафимъ имѣлъ пребываніе въ Новоспаскомъ монастырѣ; однажды я встрѣтилъ у него митрополита Кіевскаго Евгенія, съ которымъ тутъ познакомился. Наконецъ наступило время государю со всею царскою фамиліею отправиться въ Сергіеву Лавру, куда за нѣсколько дней предъ тѣмъ для встрѣчи ихъ тамъ, отправился и митрополитъ Московскій; туда же и я поѣхалъ; это было предъ праздникомъ дня преподобнаго Сергія; по пріѣздѣ въ Лавру посѣтилъ я митрополита; онъ меня принялъ не въ своемъ домѣ, который приготовленъ имъ былъ для помѣщенія вдовствующей императрицы, а въ кельяхъ отца ризничаго, императору же съ супругою приготовлено было помѣщеніе въ академіи. Между прочимъ я сказалъ владыкѣ, что въ день преподобнаго Сергія я постоянно бывалъ въ Троицкомъ соборѣ, а нынѣ лишень буду сего утѣшенія, потому что со мною нѣтъ мундира, безъ чего въ присутствіи государя въ соборѣ не пропустятъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: „если желаете быть, то могу я къ вамъ прислать своего человѣка, который проведетъ васъ въ алтарь, черезъ что вы не лишитесь удовольствія праздновать день преподобнаго Сергія близъ его мощей“. На другой день дѣйствительно владыка прислалъ своего служителя, который меня проводилъ въ алтарь, откуда мнѣ удобно было видѣть, какъ на правомъ клиросѣ, обитомъ парчею, помѣстились обѣ императрицы и императоръ; подлѣ него стоялъ хоръ пѣвчихъ, и государь подпѣвалъ имъ. Великій же князь Михаилъ Павловичъ съ великою княгинею Еленой Павловной стояли на лѣвомъ клиросѣ. По возвращеніи въ Москву и по окончаніи всѣхъ празднествъ государь изволилъ со всею царскою фамиліею и со всѣмъ дворомъ отправиться въ Петербургъ.

Не помню когда именно, но знаю, что въ одну изъ субботъ случилось мнѣ быть у владыки, какъ это и всегда бывало, у всенощной въ домово́й его церкви; по окончаніи всенощной заходилъ къ нему, и просидѣвъ у него довольно долго, спросилъ его: а гдѣ вы завтра изволите служить? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что будетъ служить въ селѣ Черкизовѣ, гдѣ будетъ освящать престоль,—и притомъ спросилъ меня: а вы пріѣдете ли туда? Я отвѣчалъ: ежели вы будете тамъ говорить слово, то пріѣду, а если нѣтъ, то не буду. На сіе онъ сказалъ мнѣ, что онъ къ тому не приготовлялся, а потому и говорить не будетъ. Послѣ сего я еще оставался довольно долго и не прежде 10 часовъ съ нимъ простился. На другой день вечеромъ

прихожу я къ нему, и онъ улыбаясь встрѣтилъ меня съ сими словами: А что же, милостивый государь,—приказали вы мнѣ сказать проповѣдь, а сами и не пріѣхали?— Какъ же могъ я ожидать сіе, отвѣчалъ я ему, послѣ того какъ вы изволили сказать мнѣ, что говорить не будете?— „Да я и точно не былъ намѣренъ говорить. сказалъ онъ мнѣ, и приготовлялся уже ко сну, но никакъ не могъ заснуть; мысль о вопросѣ вашемъ: буду ли я говорить, меня не оставляла и я рѣшился встать и написать слово, послѣ чего я и могъ уснуть“. Изъявилъ я удивленіе къ такой его способности, и тогда рассказалъ онъ мнѣ, что когда онъ былъ Тверскимъ архіепископомъ, то въ пріѣздъ туда изъ Петербурга на короткое время, служилъ тамъ тринадцать дней сряду, и при каждомъ служеніи говорилъ безъ приготовленія, что тогда проповѣди его бывали продолжительнѣе тѣхъ, которыя имъ были писаны, потому что во время сказыванія безъ приготовленія рождались новыя мысли и новыя разсужденія.

Однажды, за нѣсколько дней до ангела его, былъ я у него, и зная, что въ сей день онъ всегда уѣзжалъ на Перерву, просилъ я секретаря его Александра Петровича Святославскаго въ сей день принести ему отъ меня поздравленіе, присовокупивъ къ тому, что я желалъ бы и самъ для сего пріѣхать въ Перерву, но не знаю, понравится ли ему это, потому, что уѣзжая изъ Москвы, вѣроятно, онъ не желаетъ принимать поздравленій, слѣдственно и думать не слѣдуетъ его преслѣдовать, на что секретарь отвѣчалъ: „конечно такъ, сударь, но вамъ-то онъ будетъ радъ“; почему 1-го декабря и отправился я къ владыкѣ на Перерву; онъ меня ласково принялъ. Изъ свѣтскихъ гостей никого у него не встрѣтилъ, были только вріереи и нѣсколько архимандритовъ; посидѣвъ у него нѣсколько времени, подошелъ я къ нему, чтобы принять отъ него благословеніе и проститься съ нимъ; тогда онъ всталъ; взялъ меня за руку и сказалъ мнѣ: *да не како ослабѣютъ на пути, и хотя не договорилъ: не отпустимъ ихъ не ядшимъ*, но понятно было, что онъ не хотѣлъ отпустить безъ обѣда, и такимъ образомъ провелъ я у него день очень пріятно.

Какъ-то случилось мнѣ быть у него вмѣстѣ съ семействомъ Нарышкиныхъ. Онъ объявилъ намъ, что на дняхъ отправляется въ Лавру; тогда Нарышкины начали упрашивать захватить къ нимъ въ деревню, находящуюся близъ Троицкой дороги, на что онъ изъявилъ согласіе; а какъ

онъ зналъ, что и моя деревня находится по близости отъ нихъ, то сказалъ: „а Михайль Михайловичъ меня къ себѣ не приглашаетъ?“ Я сказалъ ему; что только потому не приглашалъ его, что не смѣлъ его симъ беспокоить, но почелъ бы за счастье, ежели бы онъ и меня посѣтилъ; на что онъ отвѣчалъ; что онъ съ удовольствіемъ бы пріѣхалъ и ко мнѣ, только не будетъ умѣть меня отыскать; тогда я просилъ его о семъ не заботиться и сказалъ, что мною высланъ будетъ верховой въ село Мытищи, который проводить его по прекрасной дорогѣ не далѣе 5 верстъ. Въ назначенный день посланный мною въ Мытищи человекъ проводилъ его въ село Большево, гдѣ я встрѣтилъ его при церкви со множествомъ собравшагося народа. Осмотрѣвъ церковь, онъ прибылъ ко мнѣ въ домъ, и при входѣ въ первую комнату сказалъ: *Миръ дому сему и всѣмъ живущимъ въ немъ.* Тутъ я его познакомилъ съ матушкой моею и сестрою. Онъ вышелъ на балконъ и долго любовался прекрасными видами и сказалъ: это мѣсто живописное. Послѣ поданнаго чаю, просилъ я его остаться завтракать, но онъ не согласился, сказавъ мнѣ, что такимъ образомъ онъ не успѣетъ въ тотъ день пріѣхать въ Лавру, потому что надобно еще заѣхать и къ Нарышкинымъ, куда онъ отъ меня и отправился. Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ я къ нему въ Лавру благодарить его за посѣщеніе меня, засталъ его прогуливающагося по своей террасѣ; онъ сказалъ мнѣ: „хотя ваше мѣстоположеніе и весьма красиво, но я не промѣнялся бы съ вами, потому что остаюсь и своимъ очень доволенъ.“

Въ 1830 году священникъ церкви Троицы, что на Капелькахъ, съ причтомъ и съ прихожанами начали просить меня, чтобы я согласился быть при сей церкви старостою, потому что въ ихъ приходѣ не находится никого, кто бы могъ занять сію должность. Такъ какъ церковь пришла въ такую ветхость, что необходимо нужно было приступить къ постройкѣ, я отказывался отъ принятія на себя этой обязанности, да и домъ мой былъ въ другомъ приходѣ; несмотря на сіе они успѣли меня уговорить, но прежде окончательнаго изъясненія на то согласія, я сказалъ, что считаю нужнымъ переговорить о семъ съ владыкою, Владыка сказалъ мнѣ, что церковнымъ старостою можетъ быть принадлежащій къ другому приходу; но когда объяснилъ я ему, что есть другое обстоятельство, которое страшитъ меня принять должность старосты, а именно то, что немедля должно будетъ приступить къ строенію, по-

тому что колокольня, находящаяся на стѣнѣ церковной, дала большую трещину, отчего оказывается въ сводѣ самой церкви трещина, почему необходимо будетъ сломать колокольню, выстроить ее отдѣльно, чтобы не допускать трещинѣ увеличиваться: тогда владыка сказалъ мнѣ, что онъ на другой же день передъ вечернею пріѣдетъ все сіе осмотрѣть. Это было 29 числа іюля наканунѣ приходскаго праздника въ честь Іоанна Воина; во всѣхъ церквахъ давно начались вечерни и нашъ священникъ хотѣлъ начинать вечерню, полагая, что по случаю дождя владыка не пріѣдетъ, хотя и увѣрялъ его въ противномъ; только что начали вечерню, какъ онъ пожаловалъ, такъ что я одинъ вынужденъ былъ его встрѣчать. Онъ пошелъ прямо въ алтарь и по окончаніи уже службы началъ все осматривать, что мною было указано. Онъ согласился, что опасенія касательно непрочности церкви справедливы, и что немедленно надобно приступить къ строенію. Въ это самое время пошелъ такой сильный дождь, какого я никогда не запомню, и владыка уѣхалъ. На другой день, когда явился я къ нему благодарить его за принятое имъ безпокойство, онъ улыбаясь встрѣтилъ меня такими словами: „здравствуйте, господинъ староста иже на Капелькахъ; только, когда возвращался я отъ васъ домой, на меня не по капелькамъ лиль дождь, а какъ изъ ушата“. Послѣ того сталъ спрашивать: сколько же для строенія есть у васъ церковныхъ денегъ? и когда я сказалъ ему, что есть только четыре тысячи ассигнаціями, то возразилъ мнѣ: какъ же съ такой незначительной суммой вы хотите приступить къ тому? Я отвѣчалъ, что нужно только начать, а тамъ и помогутъ, чему много было примѣровъ: надѣюсь на милость Божию. Онъ сказалъ: „ну ежели надѣетесь на милость Божию, то приступайте къ дѣлу“. Тогда же я просилъ его дать мнѣ сборную книгу, и хотя онъ не охотно таковыя выдавалъ, особенно для московскихъ церквей, но видя что я прошу по необходимости, мнѣ въ томъ не отказалъ. По прошествіи года не могъ я строенія сего окончить, такъ какъ оказалось много еще новыхъ не предвидѣнныхъ построекъ и денегъ на приведеніе къ окончанію всего много еще не доставало; тогда просилъ я владыку еще на годъ дозволить продолжать сборъ по книгѣ, на что онъ, видя много недостатковъ, вторично изъявилъ согласіе. Но и новыя пожертвованія оказались недостаточны. Въ алтарѣ большой церкви оказалась новая трещина, а жертвователи давали деньги съ тѣмъ условіемъ, чтобы сдѣланъ

былъ новый придѣлъ во имя святителя Митрофана; притомъ колоколя мною затѣяна довольно высокая и на новый колоколь къ ней въ 215 пудъ употреблено было девять тысячъ рублей ассигнаціями; нужно было также сдѣлать новую ограду, ибо старая совсѣмъ развалилась. Священникъ уговорилъ меня обратиться къ владыкѣ, который тогда находился въ Петербургѣ, съ новою просьбою о продолженіи еще на годъ сбора по книгѣ; просьба была послана и черезъ недѣлю была возвращена къ преосвященному викарію, съ такою резолюціею: „Февраля 27. Преосвященный, призвавъ священника, вразумить его о слѣдующемъ: что сборныхъ книгъ просятъ только рѣдкія изъ московскихъ церквей, и рѣдко, по крайнимъ нуждамъ; что если легко давать книги просящимъ по произволу, то сборщиковъ будетъ болѣе подавателей; что скудость пособій надобно было предвидѣть, а потому не предпринимать многого лишняго, напримѣръ высокой колокольни, коей высота не служитъ ко спасенію; что послѣ того, какъ свисходительно дана книга и еще свисходительно повторена, надлежало подумать, вводить ли въ искушеніе себя и начальство новою просьбою о книгѣ съ такимъ притомъ забвеніемъ собственныхъ обязанностей, что на книгѣ не видно слѣда ни счета, ни обревизованія предписаннаго въ самомъ заглавіи книги; что священнику надлежало не на однѣ деньги устремлять глаза, но на правильность и чистоту дѣла. А потому изъяснить достойное священника мнѣніе господину старостѣ, котораго, впрочемъ, за примѣрное попеченіе о своей должности, и необыкновенный успѣхъ въ благоустроеніи сей церкви, весьма уважаемъ и благодаримъ и многое ему отъ Бога благословеніе призываемъ.“ — Изъ подобной резолюціи владыки можно было усматривать какой онъ былъ мастеръ, похваляя, дѣлать выговоры, которые до меня касались. По возвращеніи его изъ Петербурга въ Москву, явился я къ нему, и онъ встрѣтивъ меня съ улыбающимся лицомъ, сказалъ мнѣ: „вѣрно вы меня браните, что я не исполнилъ просьбы вашей“. Я отвѣчалъ: „прошу у васъ прощеніе за безпокойство, которое я вамъ доставилъ“. Онъ сказалъ, что не бывало такого примѣра, чтобы три года сразу давать сборныя книги,—и просилъ извинить за сдѣланный отказъ.

Вскорѣ послѣ того новый придѣлъ во имя святителя Митрофана былъ готовъ, и я просилъ у него разрѣшенія освятить, тогда спросилъ онъ меня: а кто же будетъ у

васъ освящать? Я отвѣчалъ; „тотъ, кто отъ васъ назначенъ будетъ“. А развѣ вамъ не угодно будетъ, чтобы я освящалъ?—Напротивъ, отвѣчалъ я,—очень бы желалъ сего, но не смѣлъ васъ беспокоить. Онъ сказалъ, что это его нисколько не можетъ беспокоить и что онъ съ удовольствіемъ исполнить мое желаніе, и прибавилъ, что въ слѣдующее воскресенье, которое приходилось 9 декабря, онъ готовъ будетъ для сего. На вопросъ мой: кого изъ архимандритовъ прикажетъ онъ мнѣ пригласить на служеніе съ нимъ?—отвѣчалъ мнѣ, что выборъ сослужащихъ предоставляетъ мнѣ. При семъ просилъ я его послѣ освященія посѣтить меня, и остаться у меня кушать. Хотя онъ по обыкновенію рѣдко гдѣ оставался обѣдать, но далъ мнѣ слово исполнить мое желаніе. По окончаніи освященія и литургіи сказывалъ слово и пріѣхалъ ко мнѣ на обѣдъ: на другой день я ѣздилъ его благодарить и онъ остался очень доволенъ устройствомъ церкви.

Княжна Анастасія Михайловна Голицына и сестра ея Елизавета Михайловна Ермолова просили меня доставить владыкѣ портфель и записную книгу, что мною къ нему и было послано при письмѣ къ нему, на которое онъ тотчасъ мнѣ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ: „Примите, милостивый государь Михаилъ Михайловичъ, посредство увѣрить княжну Анастасію Михайловну и Елизавету Михайловну Ермолову, что я съ благодарностію принимаю ихъ вещи — портфель и книгу записную, чтобы имѣть утѣшеніе употреблять вещи, пришедшія изъ добрыхъ рукъ съ благословеніемъ. При семъ препровождаю мое отношеніе къ Оренбургскому генераль-губернатору по дѣлу Михаила. Прошу доставить въ руки, какъ желали имѣть. Отношеніе къ преосвященному тамошнему мною подписано и пошлется по почтѣ. Благословеніе Божіе надъ вами, и, если смѣю употребить слово друга, любви моя со духомъ вашимъ. Филаретъ митрополитъ Московскій. 1832, мая 22“.

Вскорѣ послѣ того митрополитъ вызванъ былъ въ Петербургъ для присутствованія въ Синодѣ; проводя его, я отправился въ Ростовъ, и по возвращеніи оттуда писалъ къ нему въ Петербургъ; на мое письмо онъ отвѣчалъ мнѣ слѣдующимъ: „Письмо ваше, милостивый государь мой Михаилъ Михайловичъ, не прощенія заслуживаетъ, а благодарности, которую и примите отъ меня за чувствованія любви и довѣренности, не моимъ достоинствомъ, но вашимъ сердцемъ вамъ внушенныя, и наипаче за молитву о мнѣ.“

Молитва другъ о другѣ есть лучшее изъ общеній. Несовершенства же молитвы должно по возможности исправлять, но не должно унывать отъ нихъ. Надобно различать дѣло молитвы отъ услажденія въ ней. Дѣло дѣлаетъ человекъ, и долженъ дѣлать постоянно и неослабно по правилу и порядку: а утѣшеніе даруетъ Богъ по благодати, когда то нужно для привлеченія, или подкрѣпленія человека, и когда человекъ принять оное можетъ. Подобнымъ образомъ и чувство собственной немощи не на то употреблять должно. чтобы тяготиться и упадать духомъ, но чтобы оставлять надежду на себя и чрезъ молитву о помощи переходить къ надеждѣ на Бога. Такъ апостольскъ говоритъ Коринѣянамъ, что онъ не надѣялся остаться въ живыхъ. и сіе случилось для того, продолжаетъ онъ, *да не надѣющеса будемъ на ся, но на Бога возстановляющаго мертвыхъ*. Потому и еще говоритъ: *благоволю въ немощахъ: егда немоществую, тогда силенъ есмь*. Всесильный Богъ да совершитъ спасительную силу Свою и въ нашихъ немощахъ! Что вы долго не слышите обо мнѣ, удивляюсь; на другой день по пріѣздѣ увѣдомлялъ я о себѣ пресвященнаго викарія, съ тѣмъ чтобъ чрезъ то увѣдомить и прочихъ сотрудниковъ моихъ и воспоминающихъ обо мнѣ изъ паствы. Князю Сергію Михайловичу, княжѣ Анастасіи Михайловнѣ и Елизаветѣ Михайловнѣ прошу свидѣтельствовать мое почтеніе. Къ нему я писалъ вчера. Портфель оказался полезнымъ и въ дорогѣ и здѣсь. Записной книгъ употребленіе предназначено. *Размышленія на Евангеліе*, съ тѣхъ поръ, какъ получены отъ князя Сергія Михайловича, находятся въ моей малой походной библиотекѣ. Прошу свидѣтельствовать мое почтеніе и Аняѣ Михайловнѣ Грессеръ. Она и другіе да простятъ мнѣ, что я по стѣсненію времени, уѣхавъ не простясь со многими, съ которыми желалъ проститься. Радуюсь, что графиня Анна Алексѣевна почтила гробъ отца Амфилохія. Помянувъ о ней, не могу умолчать. что ей встрѣтилось искушеніе, думаю, трудное. По учрежденію въ Юрьевѣ общежитія предписано, — ни настоятелю, ни братіи не принимать ни кого на духъ, безъ письменнаго позволенія отъ еперхіальнаго архіерея. Распоряженіе не гласное, но не тайна, потому что уже дамы въ Петербургѣ говорятъ о семъ. Богъ да устроитъ все во благое. Только трудно бываетъ и потому жалко, когда переходятъ изъ крайности въ крайность. По моему мнѣнію, въ сношеніяхъ монашествующихъ съ мирскими всегда нужна великаго осмотри-

тельность, которая не въ томъ состоитъ, чтобы сегодня неограниченно дозволить, а завтра неограниченно запретить. Желательно, чтобы графиня приняла сей случай съ христіанскимъ терпѣніемъ, не яко отъ челоувѣковъ, но яко отъ Бога; чтобы не спѣшила употреблять челоувѣческое противодѣйствіе, но съ молитвою и бдѣніемъ подождала мановенія Божія, которое бы указало путь изъ затрудненія къ безопасности и спасенію. Благословеніе Божіе Екатеринѣ Владиміровнѣ и Варварѣ Михайловнѣ! Я писалъ къ нимъ, имѣя долгъ отвѣтствовать; а что я не всегда платежный должникъ, прошу не прогнѣваться. Благословеніе Божіе Екатеринѣ Сергѣевнѣ, если можно ей передать сіе, ибо мнѣ думается, что она не въ городѣ. Пора кончить и съ вами бесѣду; мира душѣ вашей желаю. 1827 года іюня 11.“

„Только вчера пришелъ на мѣсто конецъ моей свиты; завтра, если Богъ благоволитъ, принесу къ здѣшнему алтарю память и объ отсутствующихъ“.

Многіе находили, что проповѣди нашего владыки темны и недовольно понятны. Это дошло и до его слуха, и потому однажды онъ сказалъ мнѣ: „говорять, будто я пишу такъ темно, что меня не понимаютъ, а мнѣ кажется, что я очень просто пишу; что вы мнѣ скажете о семъ?“—Я отвѣчалъ ему, что въ его проповѣдяхъ кромѣ свѣта ничего не вижу, и что я всегда съ особеннымъ удовольствіемъ его слушаю. И дѣйствительно находя истинное услажденіе въ его проповѣдяхъ, я рѣдкій разъ пропускалъ случай слушать ихъ, развѣ тогда только, когда не зналъ, что онъ будетъ говорить. Особенно нравились мнѣ дѣлаемая имъ уподобленія, напримѣръ въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ такъ разсуждаетъ: „когда горитъ домъ, толпы народа бѣгутъ сражаться съ огнемъ за бревна и доски часто неизвѣстнаго хозяина. Но когда душа горитъ огнемъ злой страсти, похоти, ярости, злобы, отчаянія; также ли легко находятя люди, которые поспѣшили бы живою водою слова правды и любви угасить смертоносный огонь, прежде нежели онъ обнялъ всѣ силы души, и распространился до слиянія съ огнемъ геенскимъ?“—Въ другомъ словѣ говорить: „когда котель кипитъ на огнѣ: тогда не смѣютъ къ нему приблизиться, ни насѣкомое, чтобъ осквернить, ни наглое домашнее животное, чтобъ похитить пищу, приготовляемую въ немъ для челоувѣка. Но когда снимется съ огня и остынетъ, тогда насѣкомыя роются около него и падаютъ въ него, и наглый пещъ можетъ приблизить-

ся, осквернить, похитить. Подобно сему когда душа человека кипит огнемъ божественнаго желанія: сей духовный огонь служить ей въ одно время и силою для дѣйствования и броней для защиты. Но если небреженіе допускаетъ угаснуть сему огню, и благочестивое усердіе остываетъ: то суетные, лукавые, нечистые помыслы, родятся и роятся въ области чувственной, падаютъ въ глубину души и оскверняютъ ее, и можетъ притти наглая страсть, и расхитить въ душѣ, что въ ней уготовлялось для благоугожденія Богу.“

Не умножая выписокъ, скажу, что всѣ тѣ, которые находили проповѣди владыки темными и неясными, лучше бы поступили, еслибы привяли на себя трудъ ближе познакомиться съ ними; они убѣдились бы, что нѣтъ въ нихъ ничего неяснаго и темнаго. Легко могло быть, что они никогда не читали того, о чемъ разсуждали, а повторяли только слова тѣхъ, которые по зависти или нерасположенію къ проповѣднику осуждали его.

Мудрость данная ему отъ Бога уравновѣшивалась съ его смиренномудріемъ. Каждое слово его имѣло силу и вѣсь. Не напрасно нѣкто выразился о немъ такъ: что слово, то трудъ.

Когда главный престоль церкви Пресвятой Троицы, при которой былъ я старостою, былъ готовъ, то просилъ я его освятить, къ чемъ онъ мнѣ не отказалъ, извиняясь только въ томъ, ежели не въ силахъ будетъ говорить слова; присовокупивъ къ тому, что нынѣ для него не такъ сіе легко, какъ бывало прежде; въ замѣнъ чего утѣшилъ меня обѣщаніемъ послѣ освященія посѣтить меня и даже остаться у меня кушать. Это было 17-го сентября 1839 года.

Услыхавъ отъ кого-то, что я желалъ бы имѣть собственноручную его проповѣдь, онъ тотчасъ прислалъ мнѣ говоренную имъ 20 мая 1827 года въ Чудовѣ монастырѣ, въ день праздника святителя Алексія, которую и храню у себя на память о немъ.

Пользуясь благосклонностью владыки, нерѣдко просилъ я его объяснить нѣкоторыя недовольно понятныя мѣста священнаго писанія и примѣтно, что ему казалось сіе приятнымъ. Сожалѣю объ одномъ, что вопросы сіи дѣлаемы были словесно. Ежели бы я дѣлалъ письменно, то увѣренъ, что онъ бы тотчасъ давалъ отвѣты: какая могла изъ того произойти польза, не для меня одного, но и сохранилось бы для многихъ.

Въ 1827 году, я въ письмѣ ко владыкѣ жаловался на свою лѣность. На сіе онъ отвѣтствовалъ мнѣ слѣдующимъ письмомъ:

„Есть ли бы я повѣрилъ тому, что вы говорите о лѣности, то сказалъ бы вамъ: *иди ко нравію*. Но надѣюсь, что не нужно посылать васъ такъ далеко. Противъ нашей немощи, грѣховности, ничтожности есть безконечная благодать и всемогущее милосердіе Божіе. А противъ лѣности Богъ положилъ нѣчто и въ насъ: ибо если умѣемъ побѣдить лѣность и трудиться неутомимо и неусыпно для выгодъ мірскихъ, какъ можно часто видѣть на многихъ: то почему не возбудить себя къ подвигамъ для царствія небеснаго? А поколику возбуждаемся, Богъ и дѣло Свое намъ указываетъ и силу творить оное даруетъ, не такъ впрочемъ иногда, чтобы намъ тотчасъ видѣть и успѣхъ дѣла, но довольно, что не даетъ препятствій и отчаянію побѣдить насъ. Впрочемъ домъ душевный, по большей части, строится подобно тому, какъ, по сказанію о церкви Кіевской Лавры: пока строили, она все была не много выше земли; а явилась вся, когда вся была достроена“.

„Слушаюсь васъ съ избыткомъ. Въмѣсто одного посылаю два письма, и прошу доставить. Если еще пришлетса книжка: она принадлежитъ другу моему Алексію Кирилловичу Нарышкину. Князю Сергію Михайловичу, сестрицамъ его мое почтеніе и желаніе благословенія Божія. Благодати Спасителя нашего вручаю васъ, и миръ его призываю. Филаретъ м. московскій 1827 г. іюня 30.“—Въ отвѣтъ на сіе письмо я написалъ между прочимъ владыкѣ: „Вамъ угодно было сравнивать мой душевный домъ съ церковію Кіевопечерской Лавры, но вѣрнѣе было бы сравнивать оный съ храмомъ строящимся на Воробьевыхъ горахъ, котораго и начала еще не видно и будетъ ли оный построенъ, не извѣстно.“ Въ отвѣтъ на мое письмо владыкѣ угодно было почтить меня слѣдующимъ письмомъ:

„Благословеніе Отца небеснаго да будетъ надъ вами, Михаилъ Михайловичъ! Болѣе двухъ мѣсяцевъ долженъ я вамъ отвѣтомъ. Простите меня. Не хочу согласиться съ вами въ сравненіи вашего душевнаго храма съ храмомъ на Воробьевыхъ горахъ. Здѣсь нѣтъ основанія, а въ васъ *основаніе*, которое по апостолу есть *Иисусъ Христосъ*, положено еще святымъ крещеніемъ. Надѣюсь, что вы нѣчто и построили: прочее да совершитъ, по вѣрѣ вашей, Великій Зиждатель Богъ, по реченному: *Богъ же возрасти*.

Открый ко Господу путь твой и той сотворитъ.—О ново-просвѣщенномъ Михаилѣ преосвященный оренбургскій отвѣчалъ мнѣ, что поручилъ его попеченію надежнаго священника; а оренбургскій генераль-губернаторъ писалъ не благопріятно. Дальнѣйшей помощи сему дѣлу не видно: помолимся о братѣ нашемъ Михаилѣ, да поможетъ ему Богъ или побѣдить по вѣрѣ, или претерпѣть съ вѣрою. Естьли вамъ приведется оставить городъ, то съ Богомъ! А когда съ Богомъ будете, то не будете одиноки, и отъ тѣхъ, которые въ немъ и ради его любятъ васъ, не разлучитесь. Если не по собственному произволу перемѣняете мѣсто, тѣмъ лучше, ибо тѣмъ вѣрнѣе по устройенію Божію. А куда ведетъ Богъ—добрый путь! Благодарю за сообщаемыя вами мнѣ воспоминанія добрыхъ людей. Да воспоминаетъ ихъ Богъ въ милости и любви! Князю Сергію Михайловичу я также долженъ отвѣтомъ; да потерпитъ на мнѣ. Поклонитесь ему и его почтеннымъ сестрамъ. Богъ да благословитъ ихъ, и вамъ писать останавливаюсь. Филаретъ м. московскій 1827, сент. 29^а.

Спустя нѣсколько дней послѣ дня моего ангела получилъ я отъ владыки изъ Петербурга слѣдующее письмо:

„Скажу вамъ, Михаилъ Михайловичъ, какъ праздновалъ день вашего ангела. Послѣ полудня надлежало праздновать у владыки (б). По сей причинѣ, по немощи ли, по лѣности ли, не хотѣлъ было я праздновать поутру въ церкви. Но въ навечеріи сегодня получилъ я отъ В. М. письмо, въ коемъ изъявлено желаніе, и даже надежда, что я не откажусь принести къ олтарю нѣкоторыя имена, въ томъ числѣ и ваше. Лѣности моей стало стыдно и я благодарю добрыхъ людей, которые побудили меня исполнить долгъ, который и остальную часть праздника не воспрепятствовалъ провести безъ большаго утомленія.—Говорятъ, что князь Сергій Михайловичъ предпринимаетъ путь въ здѣшнюю страну моего пришедьствія. Очень желаю его увидѣть. Не было ль бы при этомъ хорошо, чтобы и вы ему сопутствовали какъ прежде? Благословеніе Божіе вамъ и другимъ, въ которыхъ желаніе благословенія Божія знаю! Прилагаемое письмо прошу доставить. Филаретъ м. московскій. 18 ноября 1827 года^а.

Извѣщалъ я владыку о болѣзни родительницы моей и о чувствуемомъ оттого безпокойствѣ. Владыка отвѣтствовалъ:

(б) Митрополита Серафима, по случаю его ангела.

„Укрѣпляйтесь, Михаилъ Михайловичъ, вѣрою и надеждою на Бога и покорности волю Его, всегда благой; и въ семь да споспѣшествуетъ вамъ сердечная молитва. Сн средства полезны вамъ и болящей родительницѣ вашей, а не безпокойство, которое васъ тяготитъ, а ее не облегчаетъ. Хорошо, что ея леченіе начали вы божественнымъ врачевствомъ, котораго дѣйствіе вѣрно, если и не очевидно.—Ходатайствю ваше довольно поздно. Прежде покровительствуемой вами, я получилъ много просьбъ, и уже далъ имъ дѣйствіе. Потому при всей довѣренности къ вашему свидѣтельству, еще не знаю, что сдѣлать должно будетъ. Призываю милость Божию вамъ и родительницѣ вашей. Филаретъ м. московскій, 25 апрѣля 1828 г.“

Слѣдующее письмо было въ отвѣтъ на мое, коимъ уведомлялъ я его о приключившейся со мною болѣзни. „Благословеніе и милость Божія да будетъ съ вами, возлюбленный о Господѣ Михаилъ Михайловичъ! Благодарю что вы и меня вспомнили съ добрымъ желаніемъ, и о себѣ меня извѣстили. Противъ одного слова спору съ вами—противъ благодарности. Любовью мы съ вами должны другъ другу: благодарностию вы мнѣ не должны. Благодареніе Богу, что воздвигнулъ васъ отъ болѣзни. Не сомнѣваюсь, что вы скажете также: благодареніе Богу и за то, что болѣзнию посѣтилъ. Не бесполезно въ болѣзни испытать чувство отрѣшенія отъ міра, чтобы и послѣ болѣзни придерживаться сего чувства. Не удивительно, если чувство сіе не такъ легко приходитъ послѣ болѣзни, какъ во время болѣзни; въ болѣзни Богъ даруетъ оное на потребу немощному, а въ здравіи требуетъ, чтобы онъ подвизался обрѣсти оное. Не унывайте, а подвизайтесь вѣрою и молитвою, терпѣніемъ и смиреніемъ.“

„Князя Сергія Михайловича давненько я не видалъ. На вопросъ, предложенный ему у меня: когда его застать, онъ запретилъ мнѣ ѣхать къ нему. Третьяго дня во дворцѣ я его не встрѣтилъ, а только послѣ узналъ, что онъ былъ. Собираюсь или ѣхать, или послать къ нему: и все не могу. Вчера въ Синодѣ былъ я съ трудомъ; сегодня въ совѣтъ Человѣколюбиваго Общества не въ силахъ былъ ѣхать. Вотъ вамъ образчикъ моего житія въ Петербургѣ. Княжну Анастасію Михайловну за воспоминаніе о мнѣ я благодарилъ, и еще теперь благодарю. Матушкѣ вашей и сестрицѣ прошу изъявить мою благодарность и желаніе благословенія Божія, котораго и вамъ паки и паки желаю. Филаретъ м. московскій. 28 декабря 1828 года“.

Отъ 11 декабря 1829 г., получилъ отъ владыки слѣдующее письмо:

„Примите трудъ, милостивый государь Михаилъ Михайловичъ, доставить прилагаемое при семъ письмо. Мнѣ такъ сказано, что черезъ васъ надобно доставить. А я радъ, имѣя случай сказать, что помню васъ съ любовію, и мира душѣ вашей искренно желаю.“

Не помню, изъ-за какого дѣла возникло въ комитетѣ Человѣколюбиваго Общества разногласіе у владыки съ княземъ Сергіемъ Михайловичемъ. Князь по горячности своей не могъ ему высказать всего, что нужно было для объясненія дѣла, и съ нимъ въ томъ согласиться, почему просилъ меня съѣздить къ митрополиту и рассказать ему яснѣе сущность дѣла, что мною и было исполнено. Для того, чтобы видна была истина, я сказалъ, что могу ему показать подлинную бумагу, относящуюся къ спорному дѣлу; но видно и я не совсѣмъ равнодушно съ нимъ объяснялся, о чемъ я узналъ изъ письма владыки къ В. М., которой онъ между прочимъ написалъ: „вчера у меня былъ Михаилъ Михайловичъ, который принесъ мнѣ вечернюю зарю гнѣва достопочтеннаго князя Сергія Михайловича“. Черезъ день послѣ того при письмѣ моемъ къ владыкѣ представилъ я обѣщанную мною подлинную бумагу, и получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ:

„Покорнѣйше благодарю, милостивый государь Михаилъ Михайловичъ, за разрѣшеніе моего сомнѣнія. Вы уже сдѣлали слишкомъ много: ваше слово равно было бы для меня удовлетворительно, какъ и чтеніе акта. Возвращаю оный и прошу отъ Господа мира и вамъ и всѣмъ, которые не вполнѣ обрѣтаютъ сіе благо. Филаретъ м. московскій“.

Въ 1830 г., была въ Москвѣ первая холера, — она началась въ послѣднихъ числахъ сентября. Вотъ какъ узналъ я о томъ: пріѣхалъ я въ комитетъ Человѣколюбиваго Общества, въ которомъ былъ я непремѣннымъ членомъ; туда же прибылъ и президентъ нашъ князь Сергій Михайловичъ Голицынъ; приказавъ затворить двери присутствія, чтобы никого постороннихъ тутъ не было, секретно объявилъ намъ, что въ Москвѣ появилась новая болѣзнь подъ названіемъ холеры, и что нужно принять мѣры къ заготовленію продовольствія для богадѣленныхъ домовъ, особенно для богадѣльни убѣжища бѣдныхъ, находящейся въ 20 верстахъ отъ Москвы; потому что есть слухъ, что Москву оцѣпять и не будутъ ни въ нее, ни изъ нея никого пропускать. Эта неожиданность всѣхъ насъ встре-

вожила. Послѣ обѣда я отправился къ митрополиту, чтобы и отъ него узнать что-нибудь; прихожу къ подъѣзду его крыльца и вижу его карету, въ которой онъ отправлялся къ князю Дмитрію Владиміровичу для нѣкоторыхъ совѣщаній; на крыльцѣ я встрѣтилъ выходящаго доктора его, Григорія Яковлевича Высоцкаго; на вопросъ мой о болѣзни, онъ только успѣлъ мнѣ отвѣчать: „ежели вамъ нужно поѣхать изъ Москвы, то поспѣшите нынче же выѣхать, а то Москву запрутъ“. Возвратясь домой, я тотчасъ отправился къ Крестовской заставѣ, гдѣ встрѣтилъ множество народа, котораго уже не пропускали за заставу; тутъ же былъ остановленъ и экипажъ не помню какого архіерея, отправлявшагося въ новую свою епархію. Въ сей день прибылъ въ Москву и императоръ; когда ему доложили о томъ архіереѣ, онъ приказалъ его пропустить. Я, какъ непремѣнный членъ комитета и вмѣстѣ съ тѣмъ директоръ Набилковской богадѣльни и богадѣльни убѣжища бѣдныхъ, озаботился о томъ, чтобы смотритель этой послѣдней богадѣльни, находившійся въ то время въ Москвѣ, купилъ все, что было нужно, для продовольствія бѣдныхъ; онъ сдѣлалъ всѣ нужныя покупки, но донесъ мнѣ, что изъ Москвы его не пропускаютъ съ заготовленнымъ имъ продовольствіемъ. Зная, что ежели его не пустятъ, то бѣдные живущіе тамъ могутъ умереть съ голоду, поспѣшилъ я донести о томъ кн. Сергію Михайловичу; князь тотъ же часъ поѣхалъ къ государю, который изволилъ разрѣшить ему пропускъ.

Первая холера многихъ напугала, потому что дѣйствительно много людей умирало; каждодневно извѣстіями о томъ наполнялись афиши; многіе закупились въ своихъ домахъ, но храмы наполнялись молящимися и всѣ спѣшили говѣть и приобщаться св. Таинъ. Благодаря Бога, я не пугался и жилъ довольно спокойно, употреблялъ пищу такую же, какъ и прежде, и въ здоровьи перемѣны не чувствовалъ. Посѣщалъ иногда князя Сергія Михайловича и митрополита, у которыхъ въ сѣняхъ ставили какія-то предохранительныя средства, и прежде нежели взойти къ нимъ въ комнаты, надобно было умывать руки уксусомъ, по предписанію гг. докторовъ.

Екатерина Владиміровна Новосильцева находилась въ это время въ своей подмосковной, въ селѣ Отрадѣ. Она не столько страшилась смерти, сколько того, что ежели она окончитъ тамъ жизнь, то тѣла ея не пропустятъ въ Новоспасскій монастырь для погребенія рядомъ съ покой-

нымъ ея сыномъ, котораго она такъ много любила; по сему случаю она просила пріятельницу свою В. М. Нарышкину передать сію заботу ея владыкѣ и попросить его, чтобы убѣдилъ г. губернатора въ случаѣ смерти ея дозволить провезти ея тѣло въ Москву. Владыка отвѣчала Нарышкиной: „Напишите Екатеринѣ Владиміровнѣ, что я принимаю ея порученіе, чтобы облегчить ее отъ заботы о Новоспасскомъ, и дать ей свободу заботиться о томъ, что болѣе на потребу. А если Богъ такъ устроитъ, что ей послѣ меня, а не мнѣ послѣ ея можно будетъ исполнять порученія, то я прошу ее просить мнѣ скольконибудь мирнаго мѣста тамъ, куда здѣшній градоначальникъ ни запретить, ни открыть пути не можетъ.“

Въ холерное время, я его какъ-то посѣтилъ; хотя въ тотъ день онъ чувствовалъ себя нездоровымъ и никого не принималъ, но меня приказалъ пустить и принялъ въ своей спальнѣ, въ которой было слишкомъ жарко. Между прочимъ сказалъ онъ мнѣ: „угадайте, кто у меня нынче былъ?“ Я отвѣчалъ ему: „такъ какъ много есть людей, которымъ онъ дозволяетъ имѣть эту честь, то мнѣ трудно будетъ угадать, кто именно.“ Тогда объявилъ онъ мнѣ, что къ нему пріѣзжалъ графъ Петръ Александровичъ Толстой, которому государь императоръ поручить изволилъ передать владыкѣ, что ежели онъ желаетъ говорить проповѣди, то не говорилъ бы подобныхъ послѣдней имъ сказанной. Владыка спросилъ меня: что вы находите въ ней? Я отвѣчалъ, что сколько могу понимать, она мнѣ кажется прекрасною. При семъ не примѣтно было въ немъ никакого смущенія и онъ казался спокойнымъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ казался онъ мнѣ мнительнымъ, особенно въ отношенія къ здоровью; напримѣръ, сидя однажды въ своей гостиной вмѣстѣ со мною на среднемъ диванѣ, онъ сдѣлалъ мнѣ такой вопросъ: скажите мнѣ, все ли вамъ равно будетъ сѣсть на мое мѣсто, а мнѣ уступить ваше? Я отвѣчалъ ему: для меня совершенно все равно, только позвольте мнѣ спросить васъ, для чего угодно вамъ, сдѣлать таковое перемѣщеніе? „А вотъ для чего, отвѣчалъ онъ мнѣ, указывая на свою щеку: вчерашній день, у меня болѣла эта сторона отъ простуды, а какъ свѣтъ съ этой стороны отъ окна, то это можетъ имѣть вліяніе на больную сторону.“ Между тѣмъ мы сидѣли очень далеко отъ окна, потому что его гостиная очень глубока.—Когда я въ первый разъ пріѣхалъ въ Лавру по желѣзной дорогѣ, и объ этомъ сказалъ ему: то онъ спро-

силъ меня: ну что же вы чувствовали послѣ того? Я отвѣчалъ: „ничего кромѣ спокойствія и пріятности отъ скорого путешествія“. На что сказала онъ мнѣ: „а у меня, когда я пріѣхалъ въ Лавру по желѣзной дорогѣ, на другой день болѣла голова.“ Я замѣтилъ ему, что это могло случиться не отъ желѣзной дороги, а такъ заболѣла голова. „Нѣтъ, не такъ, сказалъ онъ мнѣ: я знаю это потому, что когда я возвращался въ Москву, также по желѣзному пути, то же самое дѣйствіе повторилось; притомъ нахожу я болѣе пріятнымъ ѣхать въ экипажѣ, потому что всегда можно когда угодно остановиться, пройти нѣсколько пѣшкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ смотрѣть на богомольцевъ, которые съ такимъ усердіемъ стремятся къ святынь Лавры“.

Случалось мнѣ часто обѣдать у владыки въ Лаврѣ по окончаніи экзаменовъ академическихъ, также и въ Москвѣ приглашаемъ имъ былъ на обѣды, во дни, когда онъ посвящалъ своихъ викаріевъ; тогда бывали большіе и великолѣпные обѣды, но во время ихъ онъ вкушалъ мало. Во дни праздниковъ преподобнаго Сергія въ Лаврѣ, когда я также приглашаемъ былъ въ трапезу къ соборному столу вмѣстѣ со многими посѣтителями, онъ не позволялъ дѣлать слишкомъ роскошнаго стола. Однажды случилось мнѣ сидѣть за этимъ столомъ съ нимъ рядомъ, конечно по его указанію,—и когда я сталъ хвалить украшенія трапезной церкви, т.-е. лѣпную работу въ ней, во вкусѣ *Рококо*, тогда спросилъ онъ меня: а знаете ли вы, почему этотъ вкусъ названъ *Рококо*? И когда я отвѣчалъ, что не знаю, то онъ рассказалъ мнѣ: „французскій король Лудовикъ XIV отдѣлалъ свой дворецъ въ этомъ вкусѣ, и захотѣлъ показать его своей бывшей кормилицѣ старухѣ, выжившей изъ ума; показывая ей, спросилъ ее, хорошо ли это? тогда она, окинувъ глазами все это украшеніе, сказала: *Рококо*,—слово, котораго не существовало,—и съ того времени вкусъ сей не иначе стали называть, какъ рококо“. Какъ-то случилось мнѣ обѣдать у владыки въ Москвѣ съ двумя архимандритами: симоновскимъ Мельхиседекомъ и новоспасскимъ Аполлосомъ. Первый не переставалъ говорить во время всего стола, и болѣе всего превозносилъ свою колокольню, увѣряя, что не только во всей Россіи, но и во всей Европѣ нѣтъ подобной; послѣдній потупясь все молчалъ, а владыка только улыбался, и наконецъ сказалъ: „а что же новоспасскій архимандритъ не защищаетъ своей колокольни?“ Тотъ на сіе ничего не отвѣтствовалъ, а я вмѣсто его сказалъ: „Я думаю, что

отецъ архимандритъ потому не защищаетъ своей колокольни, что она сама себя защищаетъ“. Тогда владыка сказалъ: замѣчаніе ваше весьма справедливо. Еще какъ-то послѣ обѣдни въ Чудовѣ монастырѣ, которую служилъ митрополитъ, зашли къ нему многіе въ его здѣшнюю келью на закуску; вѣроятно владыка очень усталъ, а потому не начиналъ еще разговора, тотъ же симоновскій архимандритъ позволилъ себѣ начать разговоръ и сказалъ: „а у меня вчера былъ принцъ Ольденбургскій“,—на что митрополитъ спросилъ у него: о чемъ же вы поговорили? Архимандритъ отвѣчалъ: „я у него спросилъ: правда ли, ваше императорское высочество, что вы къ намъ въ Москву назначаетесь генералъ-губернаторомъ?“ „Ну что же онъ тебѣ отвѣчалъ?“ спросилъ его митрополитъ. „Онъ мнѣ сказалъ, что онъ этого не знаетъ“. „Ну вотъ то-тоже, сказалъ владыка: русская-то пословица справедлива: ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами“. Въ другой разъ на подобной же закускѣ, разговоръ коснулся какой-то иконы, вовсе потемнѣвшей, такъ что изображеніе на ней трудно было разобрать. Находившійся тутъ же И. М. Снегиревъ сказалъ: „я думаю, владыка, что она потемнѣла отъ прикосновенія нашихъ нечистыхъ устъ“,—а митрополитъ прибавилъ: „и отъ сквернаго языка“,—зная, что сей собесѣдникъ былъ на языкъ не всегда воздерженъ.

Однажды послѣ вечерни сказали мнѣ, что митрополитъ ѣдетъ по Мѣщанской улицѣ, на которой былъ мой домъ, и что экипажъ его повернулъ въ переулокъ; я догадался, что онъ ѣдетъ въ церковь Набилковской богадѣльни для осмотра ея; а какъ я тогда былъ директоромъ этой богадѣльни, то и поспѣшилъ туда черезъ свой садъ и находящуюся тутъ рощу, чтобы его встрѣтить и проводить. По осмотрѣ церкви, которою онъ остался очень доволенъ, хотѣлъ онъ ѣхать домой; но я, зная, что онъ часто любилъ прогуливаться, предложилъ ему пройти рощею и моимъ садомъ, съ тѣмъ чтобы карета его пріѣхала за нимъ ко мнѣ въ домъ, на что онъ и изъявилъ согласіе. Проходя рощею и замѣтя построенную тамъ Іордань, спросилъ меня: „что это у васъ построено?“ Я ни мало не смутясь отвѣчалъ ему, что „это Іордань, на которую въ извѣстные дни выходимъ для освященія воды“. Этого безъ особеннаго дозволенія дѣлать не слѣдовало; однако онъ промолчалъ тогда, а послѣ, когда я уже не былъ тамъ директоромъ, приказалъ ее снять, потому что вода, надъ которою была Іордань, была не проточная. Изъ рощи пришелъ ко мнѣ

въ садъ, довольно долго сидѣлъ у меня на террасѣ, хвалилъ мой садъ и сказалъ: „все это у васъ хорошо, только все по барски: одни цвѣты“, а когда я ему сказалъ, что кромѣ цвѣтовъ у меня болѣе ста плодовыхъ деревьевъ, тогда онъ сказалъ: „ну вотъ это хорошо“, и, осмотрѣвъ мой домъ, уѣхалъ, отказавшись отъ чая, опасаясь простудиться.

Однажды пришелъ я къ нему и засталъ его съ книгою въ рукахъ. Онъ спросилъ меня: „Знаете ли вы, что я теперь читаю? Это рукописныя письма покойнаго митрополита Платона къ Преосвященному Гавріилу митрополиту С.-Петербургскому, очень любопытныя; если желаете, то я вамъ ихъ нѣсколько прочту“. Я благодарилъ его за милостивый его вызовъ и сказалъ, что много мнѣ симъ доставить удовольствія. За чтеніемъ писемъ слѣдовалъ разговоръ о покойномъ митрополитѣ Платонѣ, о его времени. Владыка разсказалъ, какъ онъ учился въ Лаврѣ, какъ скудно было тогда содержаніе учениковъ. „Часто бывало въ классахъ очень холодно, потому что жалѣли дровъ; митрополитъ Платонъ часто приходилъ на лекціи, самъ забнулъ и говорилъ намъ: *въ поученіи моемъ разгорится огнь*. Когда потребовали меня по постриженіи въ Петербургъ,—продолжалъ владыка,—и митрополитъ Платонъ, не желая меня отпустить, спросилъ меня: имѣешь ли ты желаніе отправиться въ Петербургъ? тогда отвѣчалъ я ему, что желанія сего не я имѣю. „Ежели не имѣешь, сказалъ онъ мнѣ, то подай прошеніе—напиши, что желаешь остаться здѣсь“. Я отвѣчалъ ему, что я подалъ одно прошеніе о постриженіи, и послѣ такого прошенія не могу подавать никакого, потому что первымъ отрекся отъ своей воли. Между тѣмъ изъ Петербурга настоятельно меня требовали, и такимъ образомъ надобно было отправиться. По пріѣздѣ туда, назначили мнѣ преподавать предметъ, съ которымъ я самъ былъ мало знакомъ, такъ что я самъ съ вечера долженъ былъ учиться, а на утро то преподавать; слѣдовательно въ одно время я учился и училъ“. И многое владыка мнѣ разсказывалъ о своемъ петербургскомъ житіи и о митрополитѣ Амвросіѣ, котораго считалъ своимъ благодѣтелемъ. Сожалѣю очень, что я многого изъ его разсказовъ не записывалъ тогда, а теперь, по прошествіи слишкомъ сорокалѣтъ, все это вышло изъ памяти.—Рѣдко можно было заставить его одного, такъ какъ многіе часто его посѣщали, и тогда разговоръ дѣлался общимъ, а потому не столько любопытнымъ, какъ онъ самъ о чемъ разсказывалъ. Между прочими встрѣчалъ я у него иногда четырехъ се-

стеръ, которыя мало допускали его говорить, будучи сами охотницы говорить, и часто слова его перебивали. Какъ-то онѣ къ нему прѣѣхали и говорятъ: „какъ мы жалѣли, преосвященный, что не знали, что вы служили въ Архангельскомъ соборѣ и говорили проповѣдь“! Владыка отвѣчалъ имъ: „о чемъ же жалѣть“? „Какъ же не жалѣть, вѣдь вы россійскій Златоустъ“. Владыка, помолчавъ не много, спросилъ ихъ: „скажите пожалуйста, кто васъ прислалъ меня искушать? А я сейчасъ читалъ книгу Златоуста“. Потомъ владыка развернулъ эту книгу и прочелъ имъ что-то изъ нея. Примѣтно было, что онѣ не охотно ихъ принималъ, и дѣлалъ сіе для того, чтобы отказомъ не огорчить ихъ. Бывало когда доложить, что онѣ прѣѣхали, то онѣ задумается и скажетъ: проси. Какъ-то А. Н. М. спросилъ владыку: „скажите пожалуйста, владыка, гдѣ вы ихъ откопать могли?“ Тогда владыка отвѣчалъ: „онѣ мнѣ достались по наслѣдству послѣ покойнаго митрополита Платона, и какъ-то умѣли себя пристроить къ московской іерархіи“. Впрочемъ онѣ были дѣвицы очень добрыя. Еще встрѣчалъ я у него бывшую въ Алексѣевскомъ монастырѣ игуменью Назарету Васильевну Гладкову, которая съ собою привозила монахиню Шкуруину, бывшую прежде фрейлиною императрицы Екатерины. Шкуруина часто упоминала о дворѣ, что, примѣтно, владыкѣ въ монахинѣ, отрекшейся отъ міра, не совсѣмъ нравилось. Въ гостиной его пробили часы; по этому случаю г-жа Шкуруина вспомнила о часахъ, бывшихъ во дворцѣ, и сказала, что каждый разъ какъ надлежало имъ бить, появлялся изъ нихъ пѣтухъ, махалъ крыльями и кричалъ по пѣтушину столько разъ, сколько показывали часы. На сіе митрополитъ сказалъ: „это такъ было давно, что этотъ пѣтухъ вѣрно съ тѣхъ поръ уже охрипъ.“—Еще: сижу я однажды съ нимъ на диванѣ; докладываютъ ему, что прѣѣхала новодѣвиченская игуменья, по фамиліи Якушкина, почтенная старушка; я хотѣлъ встать, чтобы уступить ей свое мѣсто, а онѣ мнѣ тихо сказалъ „оставайтесь на своемъ мѣстѣ“ а она сѣла поодаль на кресла. Благословивъ только ее, онѣ продолжалъ начатый со мною разговоръ и, окончивши его, спросилъ ее: ну что у тебя дѣлается въ монастырѣ? И поговоривъ съ нею пѣсколько, опять продолжалъ мнѣ что-то рассказывать. Въ другой разъ я къ нему пришелъ, и онѣ сказалъ мнѣ: что сегодня у него болятъ уши. На сіе сказалъ я ему: вѣроятно вы сегодня выѣзжали и какъ-нибудь застудили. „Нѣтъ, отвѣчалъ онѣ мнѣ, это отъ того, что у меня би-

тыхъ два часа сидѣлъ В. М., который не переставалъ говорить“. Дѣйствительно сей человекъ любилъ переливать изъ пустого въ порожнее, потому не мудрено, что ушамъ владыки сильно досталось, и было отъ чего заболѣть.

Нѣкогда сидя подлѣ владыки на креслахъ и рассказывая ему о чемъ-то, положилъ я шляпу свою на полъ подлѣ себя. Онъ замѣтя сіе, всталъ, взялъ мою шляпу, отнесъ ее къ столу, такъ что я не успѣлъ его удержать, и сказалъ мнѣ: „голова никогда не должна быть ниже ногъ.“

Желая похвалить какую-нибудь книгу, онъ говорилъ о сочинителѣ: это добросовѣстный писатель. Рассказывая ему о какомъ-то человекѣ, я сказалъ ему: „онъ человекъ не ученый, но очень начитанный“; тогда отвѣчалъ онъ: „да ежели начитанный, то стало-быть и ученый“.

Былъ я какъ-то въ Лаврѣ и, отъѣзжая домой, зашелъ къ владыкѣ проститься; я нашелъ у него и на крыльцѣ его и въ комнатахъ множество просителей, и потому, боясь его беспокоить, просилъ доложить ему, не позволить ли онъ мнѣ на одну минуту взойти къ нему, чтобы принять на путь его благословеніе; онъ приказалъ просить. Просидѣвъ у него не болѣе пяти минутъ, всталъ я, чтобы проститься, а онъ не вставая съ своего мѣста сказалъ: „да дайте же взглянуть на себя.“ Тогда я опять сѣлъ и счелъ неприличнымъ подниматься съ мѣста до тѣхъ поръ, пока самъ онъ всталъ, чтобы благословить меня.—Въ лаврскихъ его покояхъ во все время его управленія ничего не измѣнялось, все оставалось какъ было при митрополитѣ Платонѣ,—та же мебель и то же украшеніе, а въ Геосиманскомъ скиту совершенная простота была въ его кельяхъ.

Однажды наканунѣ дня преподобнаго Сергія, за всюнощной, въ то время когда онъ на своемъ настоятельскомъ мѣстѣ читалъ житіе преподобнаго, какъ это всегда бывало,—кто-то заговорилъ; онъ тотчасъ пересталъ читать и довольно громко проговорилъ: кому угодно говорить, тотъ можетъ идти вонъ;—послѣ того наступила совершенная тишина.

Священникъ, пришедшій благодарить его за полученный имъ по его представленію орденъ, кланяясь ему говорилъ: владыко святой, я этого не заслужилъ,—на что онъ отвѣчалъ: если не заслужилъ, такъ заслуживай.

На одномъ академическомъ экзаменѣ, не помню по какому случаю, дѣло коснулось до слова *видѣма*; владыка спросилъ: а какъ въ мужскомъ родѣ назвать вѣдьму? Студентъ, къ которому относился этотъ вопросъ, задумался. Тогда владыка сказалъ: что же тутъ задумываться?

женскаго рода *вѣдма*, а мужскаго *вѣдунъ*, т.-е. *вѣдущій*; вѣдомою названа отъ вѣдѣнія, отъ того, что будто она все вѣдаетъ.

Еще на одномъ экзаменѣ въ Москвѣ, въ казенномъ какомъ-то заведеніи, законоучитель задалъ воспитанникамъ такой трудный вопросъ, на который никто не могъ отвѣтить; видя ихъ затрудненіе, законоучитель вздумалъ этотъ вопросъ перемѣнить на другой. Тогда владыка остановилъ его и сказалъ: нѣтъ, если законоучитель завязалъ уже этотъ узелъ, то пусть онъ его и распутываетъ самъ. Последній мялся и очень затруднялся, какъ ему объяснить; тогда уже владыка помогъ ему въ его затрудненіи.

Помню, какъ Аграфена Ивановна Жадовская привезла слѣпую мать свою въ домовую церковь преосвященнаго, когда онъ служилъ обѣдню. По окончаніи обѣдни подвела ее ко владыкѣ, чтобы принять отъ него благословеніе; благословляя слѣпую, сказалъ онъ ей: «Свѣта духовнаго ищите и надѣйтесь, когда не имѣете видимаго».

Разсказывалъ онъ мнѣ, какъ однажды затруднялся онъ въ рѣшеніи какого-то дѣла, бывшаго въ консисторіи. Чтобы узнать истину, онъ пригласилъ къ себѣ двухъ членовъ консисторіи, посадилъ ихъ въ разныя комнаты, и каждому изъ нихъ приготовилъ вопросы, на которые они должны были писать отвѣты. Изъ сопоставленія ихъ отвѣтовъ истина открылась во всей ясности, и дѣло рѣшено было безъ всякаго сомнѣнія, справедливымъ образомъ.

Покойный намѣстникъ Лавры, отецъ Аеанасій, доносилъ ему о случившемся тамъ пожарѣ, во время котораго сгорѣла оражжеря, и о томъ, что отецъ экономъ очень плачетъ о семь. Владыка отвѣчалъ намѣстнику: „скажите эконому, чтобы онъ пересталъ плакать, потому что не хлѣбъ сгорѣлъ, а прихоть“.

Какъ-то князь Сергій Михайловичъ спросилъ у владыки: вѣрно вчера хоронили какого-нибудь священника, потому что довольно поздно вездѣ звонили? Митрополитъ отвѣчалъ ему: „нѣтъ, князь, это былъ звонъ для живаго мертвеца, возвращавшагося послѣ служенія“.

Былъ я свидѣтелемъ необыкновеннаго спокойствія духа преосвященнаго. Въ день празднованія иконы Владимирской Божіей Матери служилъ онъ литургію въ Срѣтенскомъ монастырѣ; во время херувимской пѣсни, въ ту самую минуту, когда онъ отъ престола только-что успѣлъ дойти до жертвенника чтобы отпустить св. Дары,—огромная оконная рама, находящаяся надъ самымъ жертвенни-

комъ, сорвалась и съ большимъ трескомъ стремглавъ упала, едва не коснувшись жертвенника; всѣ предстоявшіе и находившіеся въ олтарѣ ужаснулись. Одинъ владыка нисколько не смутился, никому ничего не сказавъ, началъ отпускать св. Дары и потомъ продолжалъ всю службу какъ будто ничего и не было, съ обыкновеннымъ спокойствіемъ, тогда какъ онъ передъ тѣмъ на волосъ отъ смерти находился.

Случилось мнѣ однажды просить владыку за одного діакона, подавшаго ему прошеніе на священническое мѣсто; онъ мнѣ отвѣчалъ, что теперь ничего сказать мнѣ не можетъ, не узнавши о его достоинствахъ, но увѣренъ, что я не прогнѣваюсь на него, ежели нельзя будетъ удовлетворить моей просьбы. «Одинъ извѣстный и вамъ человекъ (владыка назвалъ его) прогнѣвался на меня, что я не могъ исполнить безтолковой его просьбы. Онъ просилъ меня произвести одного діакона во священники потому только, что у этого діакона домъ очень ветхъ.»—Вотъ какое превратное понятіе о священствѣ присовокупилъ онъ.

Бывало, иногда спросишь его: гдѣ завтра изволите служить? онъ иногда скажетъ—гдѣ, а въ другой разъ отвѣтитъ: надобно спросить Леонтія (это былъ іеродіаконъ, съ которымъ онъ обыкновенно служилъ),—тогдашъ пошлетъ за нимъ, и когда тотъ явится, то спроситъ его: гдѣ намъ завтра служить? Леонтій, ни мало не задумываясь, отвѣчаетъ: всего лучше въ Чудовѣ, владыко святой. Тогда онъ и скажетъ: ну, вотъ слышите; Леонтій приказываетъ въ Чудовѣ, тамъ и будемъ служить. Къ Леонтію онъ привыкъ, потому что сей долго при немъ находился. Онъ былъ хотя и добрый и простой человекъ, но подѣ-часъ бывалъ капризенъ, часто ссорился со всѣми живущими на подворьѣ, что иногда доходило и до свѣдѣнія владыки. Однажды созвавши всѣхъ недовольныхъ имъ, владыка началъ поочередно спрашивать ихъ о причинѣ ихъ недовольства: подошедши къ своему иподіакону Александру Семеновичу, спросилъ и его: скажи пожалуй; не обижалъ ли тебя чѣмъ-нибудь Леонтій? Тотъ, любя говорить свысока, отвѣчалъ: „Ей Господи, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія, и не осуждати брата моего, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ, аминь.“ Тогда владыка сказалъ: я тебя не молитву заставлялъ читать, а спрашивалъ тебя: не обижалъ ли тебя когда Леонтій?—Александръ Семеновичъ, поднявъ руки къ небу, отвѣчалъ: „владыко святой, ужь что я претерпѣлъ отъ отца Леонтія, это одному Богу

известно! Владыка обратясь къ о. Леонтію, сказалъ ему: „видишь ли, — всѣ на тебя жалуются,“ — и сдѣлалъ ему надлежащее вразумленіе. Не помню, удалось ли владыкѣ исправить о. Леонтія, только о. Леонтій оставался при немъ до тѣхъ поръ, какъ уже не въ силахъ былъ долѣе служить. Онъ жилъ послѣ на покоѣ въ Чудовѣ монастырѣ.

Въ разговорѣ съ владыкою, кто-то, почему-то, замѣтилъ, что въ простомъ народѣ встрѣчается много остроумныхъ людей; по этому случаю владыка разсказалъ, что когда онъ обзрѣвалъ церкви въ бывшей своей Тверской епархіи, случилось ему на пути завечерять. Встрѣтивъ идущаго крестьянина, приказалъ остановить его и подзвавъ его къ своей каретѣ, спросилъ его: что это за село, которое отсюда видно? Крестьянинъ отвѣчалъ ему, что это село *Доброе*. Тогда владыка спросилъ его: да есть ли тутъ добрые люди? Крестьянинъ отвѣчалъ ему: „ежели бы добрыхъ людей не было, такъ и село бы не стояло.“ Видите, присовокупилъ владыка, какъ онъ умно отвѣчалъ; вмѣсто того чтобы мнѣ его чему поучить, онъ сдѣлался моимъ учителемъ.“ — Тогда же владыка разсказалъ о разговорѣ митрополита Серафима съ крестьяниномъ. Серафимъ во время объѣзда епархіи такъ же остановилъ идущаго крестьянина и спросилъ его: „откуда шествуешь?“ Тотъ отвѣчалъ ему: изъ безгрѣшнаго города. — „Какъ изъ безгрѣшнаго города, когда ни одного человѣка нельзя назвать безгрѣшнымъ?“ — „Какъ же не изъ безгрѣшнаго, отвѣчалъ крестьянинъ, когда у насъ въ городѣ ни въ чемъ грѣха не поставляютъ?“

Въ 1845 году переселился я въ подмосковную въ 20 верстахъ отъ Троицкой Сергіевой Лавры, и хотя пріѣзжалъ въ Москву, но всегда на короткое время, а потому рѣдко посѣщалъ владыку; когда же въ 1857 году переѣхалъ опять на житѣ въ Москву, о чемъ объявилъ ему, тогда онъ сказалъ мнѣ: „надѣюсь, что продолжите со мною знакомство“. Но какъ въ то время здоровье его сдѣлалось слабѣе и часто бывалъ онъ нездоровъ, то не позволялъ я себѣ такъ часто бывать у него, какъ прежде, хотя онъ принималъ всегда съ любовію, когда былъ здоровъ.

Послѣднее свиданіе владыки съ княземъ Сергіемъ Михайловичемъ было 3 февраля 1859 г. за четыре дня до кончины князя. Въ это время я сидѣлъ у него, а онъ былъ ужъ такъ слабъ, что едва могъ говорить; докладываютъ ему, что владыка пріѣхалъ. Князь приказалъ его просить и обратясь къ мнѣ, сказалъ: „пожалуйста, поди и встрѣть

владыку“ — что я тотчасъ и исполнилъ. Онъ началъ меня спрашивать: каковъ князь? Я объявилъ ему, что онъ такъ слабъ, что едва можетъ говорить. Владыка, взошедъ, сказалъ нѣсколько успокоительныхъ словъ ему, и потомъ, разговаривая, обращался болѣе ко мнѣ, сберегая силы князя. Въ это время князь такъ укрѣпился, что самъ сталъ вмѣшиваться въ разговоръ. Онъ началъ рассказывать, какъ ѣздилъ за границу, какъ былъ въ Баръ у мощей святителя Николая, какъ имъ заказанъ былъ молебенъ святителя, который очень хорошо служили. Но въ это время пришелъ туда же Кирилль Александровичъ Нарышкинъ и спросилъ: что это поютъ? Князь сказалъ ему, что по его просьбѣ служатъ при мощахъ молебенъ; тогда Нарышкинъ сказалъ, что и онъ желаетъ заказать молебенъ. Только когда начали по его просьбѣ служить, совсѣмъ уже не такъ служили какъ мнѣ, а аббаты во время молебна между собою все спорили. Тогда митрополитъ сказалъ: а кто же въ этомъ случаѣ былъ виноватъ, какъ не ваше сіятельство; вѣроятно вы такъ щедро ихъ наградили, что у нихъ произошелъ споръ, кому изъ нихъ служить. При этомъ князь сказалъ, что во время своего путешествія онъ очень беспокоился о томъ, не пришлось бы ему опасно занемочь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы не случилось нашего священника: что бы тогда было дѣлать? Митрополитъ на сіе сказалъ: „вы могли бы съ собою взять запасные дары, которые священникъ можетъ отпустить благонадежному человѣку; въ первые вѣка христіанства многіе міряне имѣли у себя въ домахъ святые дары, на примѣръ сестра Василия Великаго; но впоследствии это было воспрещено, когда стали жить не благочестно.“ При семъ спросилъ я владыку: ежели бы мнѣ случилось быть за границею, гдѣ не случилось бы нашего священника, то, находясь при смерти, могъ ли бы я приобщиться отъ католическаго священника? На сіе владыка сказалъ мнѣ, что это дѣлать бы не слѣдовало, потому что вы должны бы были уже отказаться отъ своей Церкви. Потомъ я рассказалъ ему анекдотъ, о которомъ не помню, гдѣ читалъ или слышалъ отъ кого: одинъ лютеранинъ, жившій въ Воронежской губерніи въ деревнѣ, занемогъ, и находясь при смерти пожелалъ приобщиться св. Христовыхъ Таинъ отъ православнаго приходскаго священника, который въ томъ ему отказалъ; сосѣдніе священники также не рѣшались его причастить; дошло сіе до свѣдѣнія святителя Тихона; тогда онъ самъ принесъ св.

Дары и причастилъ его, а послѣ, когда тотъ выздоровѣлъ, присоединилъ его къ нашей Церкви, нарекиши его, по его желанію, Тихономъ. Трудно ручаться за достовѣрность сего анекдота, и митрополитъ сказалъ, что онъ въ первый разъ о семъ слышитъ.—Это свиданіе его съ княземъ было за четыре дня до его кончины. Когда я пошелъ провожать владыку, то сказалъ ему: „видно князь очень обрадованъ былъ вашимъ посѣщеніемъ,—оно его совершенно оживило; онъ до прибытія вашего былъ такъ слабъ, что съ трудомъ могъ сказать слово; когда же вы пожаловали, онъ твердо сталъ говорить, и рассказывать о всемъ какъ здоровый“. 7 числа князь окончилъ жизнь, а 13 числа владыка его отпѣвалъ въ церкви Воспитательнаго Дома. Замѣтно было, что онъ былъ растроганъ; но по слабости здоровья не могъ говорить слова,—замѣнилъ его въ семъ случаѣ протоіерей Сергій Григорьевичъ Терновскій. Владыка дружески былъ расположенъ къ князю; и каждый разъ, когда я у него ни бывалъ, ни разу не случалось, чтобы онъ объ немъ со мною не заговорилъ.

Послѣднее же мое свиданіе съ владыкою было 3-го января 1867 года. Я былъ у него по просьбѣ хорошаго моего пріятеля И. А. М., человѣка больнаго, имѣвшаго собственную дачу въ Петровскомъ Паркѣ; дача его приписана была къ приходу церкви Василя Кесарійскаго; а какъ далеко было каждый разъ для исправленія церковныхъ службъ на 'дачѣ посылать за священникомъ въ Москву, то желалъ онъ, чтобы дозволено ему было приглашать священника, находящагося при церкви въ Паркѣ. По сему случаю прибылъ я къ владыкѣ и нашелъ у него собраніе архимандритовъ, протоіереевъ и всѣхъ благочинныхъ, которые приглашены были къ нему на этотъ день для совѣщанія о сборѣ пособія Кандіотамъ и дожидались его призыва въ другой комнатѣ. Видя, что я пріѣхалъ не во время, я хотѣлъ обратиться назадъ, съ тѣмъ, чтобы пріѣхать въ другой день; но служитель его успѣлъ уже о мнѣ доложить, и онъ приказалъ меня просить. Я засталъ его сидящимъ въ длинной гостиной у стола за кипами дѣлъ и бумагъ. Благословивъ меня, спросилъ: что скажете? Я отвѣчалъ ему: я къ вамъ, владыко, съ просьбою, но чтобы не долго вамъ объяснять, дозвольте мнѣ прочесть записку мною составленную, что будетъ короче. По выслушаніи сей записки онъ сказалъ: да это не будетъ въ порядкѣ вещей. Поелъ чего я замолчалъ. Но говоря о чемъ-то другомъ, онъ началъ самъ: все, что я

могу для васъ сдѣлать, это то, что я за сіе не буду взыскивать со священника. Поблагодаривъ его за сіе, я подумалъ про себя, что священникъ, который меня совсѣмъ не знаетъ, можетъ мнѣ въ томъ не повѣрить; потомъ я подошелъ къ нему, чтобы принять отъ него благословеніе. Замѣтно было, что онъ не желалъ мнѣ отказать,— и сказалъ мнѣ: во всякомъ случаѣ оставьте мнѣ вашу записку, посмотримъ что можно будетъ сдѣлать. Подавая записку, я спросилъ его: стало быть, владыко, вы позволите мнѣ о семъ навѣдаться. „Конечно, только послѣ Крещенія.“ 10 числа января я опять взошелъ къ нему; онъ спросилъ меня, что прикажете? Я отвѣчалъ ему, что по поданной мною ему запискѣ дозволилъ онъ мнѣ къ себѣ явиться. „А о чемъ была записка?“—И когда сказалъ я ему о содержаніи записки,—онъ отвѣчалъ: „извините меня, ничего еще не успѣлъ сдѣлать;“ почему я просилъ у него позволенія еще навѣдаться къ нему, и онъ дозволилъ. Спустя нѣсколько дней пріѣзжаю, но видѣть его не могъ, потому что онъ былъ боленъ и никого не принималъ; спрашивалъ я П. Васильевича, его секретаря, не сдавалъ ли вамъ владыка записку мою? Онъ отвѣчалъ: „нѣтъ, вѣроятно она попала между какими другими бумагами,“—и совѣтовалъ мнѣ составить новую и подать владыкѣ; но я уже не пожелалъ беспокоить и обременять владыку при его слабомъ здоровьѣ и при множествѣ дѣлъ; онъ давно говаривалъ, что у него больше дѣлъ, нежели времени.

Послѣ онъ уѣхалъ въ Лавру, гдѣ праздновали юбилей 50-лѣтняго служенія его въ святительскомъ званіи. На юбилей мнѣ быть не удалось; въ октябрѣ возвратился онъ въ Москву; я все собирался къ нему, но сберегая его покой, день за день все откладывалъ. Наконецъ наступило 19 число ноября, день его кончины; на другой день въ домовою его церкви я навѣки простился съ нимъ, лежащимъ уже во гробѣ.

ПИСЬМО КЪ М. М. ЕВРЕИНОВУ

ВЪ ДОПОЛНЕНІЕ

КЪ ЕГО ВОСПОМИНАНІЯМЪ О МИТРОПОЛИТѢ ФИЛАРЕТѢ.

Ваши воспоминанія о митрополитѣ Филаретѣ напомнили мнѣ многое, что мнѣ случилось видѣть и слышать отъ покойнаго, незабвеннаго нашего владыки, хотя я и не имѣлъ счастья быть такъ близокъ къ нему, какъ вы.

Еще въ дѣтствѣ я много слышалъ отъ отца моего о Филаретѣ, какъ знаменитомъ проповѣдникѣ. Двѣ отдѣльно напечатанныя его проповѣди—одна надгробная по князю Кутузовѣ, а другая при вступленіи на московскую паству, лежали постоянно на письменномъ столѣ у моего отца; онъ по нѣскольку разъ читалъ ихъ и меня заставлялъ читать, такъ что я десяти лѣтъ отъ роду рассказывалъ наизусть по цѣлымъ страницамъ, особенно изъ надгробнаго слова.

Въ 1822 году я въ первый разъ видѣлъ преосв. Филарета, уже архіепископа московскаго. Θεодоръ Александровичъ Голубинскій взялъ меня на публичный экзаменъ Московской Духовной Академіи, при окончаніи 3-го учебнаго курса. Тутъ кромѣ мѣстнаго владыки было еще два архіерея: Симеонъ Ярославскій и Пареній Владимірскій. Нѣсколько часовъ просидѣлъ я, слушая внимательно и весьма мало понимая, а послѣ экзамена, въ кельяхъ ректора Кирилла, когда я принималъ благословеніе преосвященнаго Филарета, онъ спросилъ Θεодора Александровича: „что за мальчикъ?“ и послѣ прибавилъ: „слушалъ внимательно, но понялъ ли что?“ Я сначала сконфузился, потомъ сказалъ, что понялъ рассказъ о Моисей и странствіяхъ Израильтянъ въ пустынь. Владыка съ улыбкою замѣтилъ: „довольно и того для его возраста“. Мнѣ было десять лѣтъ, но я былъ малъ ростомъ и казался моложе. Возвратясь въ деревню, я все это рассказалъ моему отцу; онъ былъ въ восхищеніи и сказалъ мнѣ: ты счастливѣе меня: видѣлъ Филарета, а я не видалъ и можетъ быть не увижу его. Такъ дѣйствительно и случилось.

Вскорѣ послѣ кончины батюшки въ 1825 году, началось мое постоянное пребываніе въ Сергіевскомъ посадѣ и ученіе у Θεодора Александровича Голубинскаго. Здѣсь я уже не рѣдко видалъ владыку и бывалъ у него съ покойною ма-

тушкой. На экзаменахъ въ Академіи я бывалъ постоянно и очень ими интересовался, по близкому знакомству съ профессорами и студентами того времени. Глубина, острота и мѣткость замѣчаній владыки были постинѣ изумительны; ихъ какъ огня боялись тѣ, до кого касалось дѣло. Въ послѣдствіи, приближаясь къ старости, преосвященный Филаретъ совершенно переработалъ свой характеръ и сдѣлался снисходительнымъ и кроткимъ. Но въ то время, о которомъ я говорю, было еще далеко до этой перемѣны. Слишкомъ въ сорокъ лѣтъ многое позабылось; но и теперь еще помню, что на экзаменахъ чаще и сильнѣе доставалось наставникамъ, нежели студентамъ. Особенно часто сыпались замѣчанія на ректора Поликарпа; инспектору Евлампію, назвавшему полемическое богословіе воинственнымъ, владыка сказалъ: „Отъ чего же не назвать солдатскимъ богословіемъ“? Въ другой разъ замѣтилъ ему же, при трактатѣ объ аріанахъ: „Ты сражаешься съ тѣнями.“ На экзаменѣ изъ всеобщей словесности разбиралась однажды, какъ образцовое произведеніе, извѣстная надпись Рубана къ памятнику Петра I (колосьъ Родосскій и проч.). Владыка разобралъ и мысли и слова со свойственною ему острою и доказалъ почтенному профессору Платону Ивановичу Доброхотову, что эта надпись вовсе не образцовое произведеніе. Способности студентовъ владыка умѣлъ оцѣнить почти съ перваго взгляда; объ одномъ изъ нихъ онъ отозвался: „Этотъ весь плоть.“ Слово оказалось совершенно мѣткимъ.

Зимой 1826 года владыка, пріѣхавъ изъ Москвы въ Лавру для приѣма принца Оранскаго, рассказывалъ моей матери о перенесеніи чрезъ Москву тѣла императора Александра I. Въ Москвѣ составлена была коммиссія для устройства печальной церемоніи, собиравшаяся въ залѣ Кремлевской Экспедиціи. „Въ Коммиссіи сидѣли, говорилъ владыка, князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, графъ Петръ Александровичъ Толстой и я. Князь Юсуповъ предложилъ, чтобы, по тѣснотѣ Архангельскаго собора, постлатъ помость поверхъ всѣхъ гробницъ тамъ находящихся и на этомъ помостѣ поставить катафалкъ. Я отвѣчалъ, что князю Николаю Борисовичу, проведенному цѣлую жизнь при дворѣ, лучше меня должно быть извѣстно, прилично ли попирать ногами царскія гробницы. Объ этомъ я спорить не буду, но попирать св. мощей не позволю. Полъ былъ насланъ поверхъ гробницъ, но надъ раками царевича Дмитрія и черниговскихъ чудотворцевъ прорѣзаны отверстія, окру-

женныя рѣшетками. Въ другой разъ князь Юсуповъ представилъ въ комиссію рисунокъ балдахина, покрытаго сверху флеромъ: надъ нимъ, почти уже въ куполѣ, должны были горѣть огни, представляющіе вѣнецъ изъ звѣздъ. Я замѣтилъ, что отъ этихъ огней можетъ произойти пожаръ и пожалуй придется приводить въ соборъ команду съ трубами и насосами. Меня не послушали, но послѣ флеръ дѣйствительно вспыхнулъ и надѣлалъ тревоги. Князь очень гнѣвался на мои замѣчанія и гнѣвъ его дошелъ до Петербурга, такъ что государь поручилъ князю Дмитрію Владиміровичу примирить князя съ архіепископомъ; я отозвался, что воюсе не желалъ прогнѣвать князя, но только исполнялъ свою обязанность.

Во время коронаціи императора Николая Павловича мнѣ случилось быть въ Москвѣ, и отецъ Поликарпъ, назначенный къ служенію литургіи, какъ настоятель старшаго изъ ставропигіальныхъ монастырей—Новоспасскаго и ректоръ Духовной Академіи, провелъ меня съ собою въ соборъ. Литургію готовились служить два митрополита: Серафимъ Новгородскій и Евгенийъ Кіевскій и архіепископъ Московскій Филаретъ, которому въ тотъ же день пожалованъ былъ бѣлый клобукъ. Не стану описывать извѣстныхъ всѣмъ обрядовъ коронаціи; скажу только объ одномъ обстоятельстве, которое особенно осталось для меня памятнымъ. Нашъ владыка почему-то опоздалъ и спѣшилъ скорѣе облачиться, стоя передъ жертвенникомъ. Въ ту минуту, когда на обѣ руки его иподіаконы надѣвали поручи, вдругъ поклонился ему въ землю архимандритъ въ облаченіи и богатой брилліантовой митрѣ. „Кто это?“ спросилъ владыка. Юрьевскій архимандритъ Фотій, отвѣчалъ тотъ вставая. „Теперь не время и здѣсь не мѣсто.“ Этими словами московскій архипастырь далъ замѣтить Фотію, что онъ, проживъ два мѣсяца на дачѣ графини Орловой (въ Нескучномъ), давно уже долженъ былъ явиться за благословеніемъ къ мѣстному владыкѣ, а не беспокоить его въ то время, когда онъ спѣшитъ для встрѣчи Государя.

Между тѣмъ, какъ въ Москвѣ происходили торжества коронаціи, въ Лаврѣ случилось грустное происшествіе. Оконченъ былъ 5-й учебный курсъ въ Академіи; списокъ студентовъ составленъ академическою конференціею и ученые степени назначены. Копчившіе курсъ воспитанники разъѣзжались каждый на свою родину и проводы товарищей сопровождались иногда дружескимъ угощеніемъ. Послѣ одного изъ этихъ проводовъ, студентъ Михаилъ

Лаговскій, которому уже назначена была степень кандидата, пришелъ ко всенощной въ Успенскій соборъ (это было подь 29 августа) и сталъ пѣть безобразно. Инспекторъ Академіи Евлампій приказывалъ ему замолчать, но онъ не послушался. По окончаніи службы, Лаговскій, на выговоръ инспектора, отвѣчалъ ему какою-то грубостью за что былъ запертъ въ карцеръ. Въ ту же почъ послано было къ митрополиту донесеніе о происшествіи. На другой день призвалъ митрополитъ ректора Поликарпа, находившагося въ Москвѣ, и сказалъ ему: „Знаешь ли, что дѣлается у тебя въ Академіи? Вотъ прочти письмо инспектора.“ Пораженный неожиданной новостью, отецъ Поликарпъ старался смягчить гнѣвъ архипастыря и вымолить пощаду виновному. Для этого онъ нѣсколько разъ поклонился въ ноги митрополиту, чего прежде никогда не дѣлалъ. И Θεодоръ Александровичъ Голубинскій нарочно поспекалъ въ Москву съ тою же цѣлю, но всѣ просьбы остались тщетными. Владыка рѣшилъ, что въ настоящее время нельзя оставить такого поступка безъ наказанія, тѣмъ болѣе, что слухъ объ немъ можетъ дойти до Двора, находившагося въ Москвѣ. Вѣдный Лаговскій выпущенъ былъ изъ Академіи студентомъ съ дурнымъ аттестатомъ, возвратился на родину въ Кострому, гдѣ года черезъ три умеръ отъ чахотки. До конца жизни своей онъ получалъ ежегодное пособіе отъ отца Поликарпа.

По прїѣздѣ въ Москву, а уже гораздо рѣже видалъ владыку. Съ начала университетскія занятія, потомъ мірскія суеты и утѣхи отвлекали меня совершенно въ другую сторону. Но позднѣе, когда я обратился къ занятіямъ духовно-историческою литературою, милостивое вниманіе владыки встрѣтило меня одобреніемъ на новомъ поприщѣ. Одинъ изъ первыхъ моихъ опытовъ: „сказаніе о чудотворной Иверской иконѣ Божіей Матери“—было рассмотрѣно покойнымъ митрополитомъ прежде напечатанія. Онъ перемѣнилъ въ немъ нѣсколько выраженій и совершенно исключилъ описаніе другой Иверской иконы, находящейся въ соборной церкви Новодѣвичьяго монастыря и принадлежавшей царевнѣ Софіи. Когда я поднесъ ему другую книгу: „О древностяхъ Ростова,“ онъ сказалъ мнѣ, что будучи архіепископомъ Ярославскимъ, имѣлъ намѣреніе откладывать каждый годъ изъ своихъ доходовъ для возобновленія Ростовскаго Кремля, но не успѣлъ привести въ исполненіе этой мысли, потому что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ переведенъ былъ въ Москву, не успѣвъ и побывать въ Ярославской епархіи. Разказы мои изъ исторіи

Русской Церкви имѣли счастье понравиться владыкѣ; онъ принялъ отъ меня первую и вторую книжку съ милостивымъ одобреніемъ и особенно похвалилъ тѣ главы въ послѣдней изъ нихъ (поднесенной ему за нѣсколько времени до его кончины), гдѣ говорится о преподобномъ Сергіи и ученикахъ его; владыка находилъ полезнымъ напечатать эти главы отдѣльно для продажи въ Лаврѣ.

Съ глубокою признательностію воспоминаю объ участіи, какое принималъ иногда покойный владыка во мнѣ и въ моемъ семействѣ. Когда я готовился вступить въ бракъ и просилъ благословенія у митрополита, онъ спросилъ: „Развѣ есть родство или какое препятствіе?—Я отвѣчалъ, что препятствій никакихъ нѣтъ, но я прошу его благословенія, какъ видимаго знака благословенія Божія. Разспросивъ о качествахъ невѣсты и семейства, въ которое я вступаю, онъ приказалъ мнѣ побывать въ другой разъ и назначилъ день. Въ этотъ день нашелъ я владыку больнымъ; онъ принялъ меня въ спальнѣ и благословилъ иконою Спасителя на убрूसѣ. Когда я представилъ митрополиту повобрачную жену мою, онъ сказалъ ей: „я давно знаю графа и прошу васъ: успокойвайте его. Помните слова апостола: *яко Сарра почиташе Авраама, господина того зовущи.*“

Во время тяжелой болѣзни, посѣтившей меня въ 1857 году, я видѣлъ митрополита Филарета во снѣ. Этотъ знаменательный сонъ съ его послѣдствіями описанъ мною въ Душеполезномъ Читеніи (а). Тамъ же помѣщено и письмо, полученное мною отъ владыки во время болѣзни моей (б).

Дѣти мои сохраняютъ залого милостиваго вниманія къ нимъ покойнаго владыки; почти всѣ они получили отъ него на благословеніе иконы. Два старшихъ мальчика по вступленіи въ гимназію были представлены мною владыкѣ и получили отъ него краткое наставленіе.

Вотъ все, почтеннѣйшій Михайлъ Михайловичъ, что пока я могъ припомнить о незабвенномъ нашемъ архипастырѣ. Чувствую, что мои воспоминанія слишкомъ мелочны и не важны. Но я вѣрую, что духъ блаженнаго святителя, отшедшаго отъ насъ плотію, близокъ и теперь ко всѣмъ любящимъ его, а потому полагаю, что каждая черта изъ его жизни, каждое слово, какое кто-либо можетъ припомнить, должны быть сохранены не только для современныхъ чтителей памяти Филарета, но и для потомства.

Гр. М. Толстой.

(а) Д. Ч. 1866. № 1. б., стр. 39 и 40.

(б) Д. Ч. 1869. № 4. б., стр. 60.